

У нас есть право на любовь – на страсть, нежность, ласку, смех, тепло, у нас есть право на счастье. Любовь невозможно запретить, так же как невозможно приказывать Солнцу угаснуть.

«Пока мы любим, мы живы, и может быть, только может быть, истинная любовь уходит с нами в неизвестность смерти»,

- говорит герой одного из рассказов, вошедших в этот сборник. У любви этого человека есть тень – его самый близкий человек живет с ВИЧ, и ВИЧ – реальность жизни мужчин, чьи истории я вам рассказал.

Но все же, эти истории – не о ВИЧ, а о чувствах, о взаимоотношениях мужчин, о наших страхах, надеждах, о наших победах. Я писал их с глубоким уважением к людям, живущим с ВИЧ. Я желаю всем нам бесстрашия перед жизнью и обретения любви, той самой, что способна провести человека через самую темную ночь жизни.

Если хочешь быть любимым – люби.
Искренне ваш, с теплом и любовью,
Курос.

МУЖСКИЕ СКАЗКИ

18+

ПАРНИ

МУЖСКИЕ СКАЗКИ

Парни ПЛЮС

2017

Мужские сказки. – Орел.: "Парни ПЛЮС" – 120 с.

У нас есть право на любовь – на страсть, нежность, ласку, смех, тепло, у нас есть право на счастье. Любовь невозможно запретить, так же как невозможно приказать Солнцу угаснуть.

«Пока мы любим, мы живы, и может быть, только может быть, истинная любовь уходит с нами в неизвестность смерти», – говорит герой одного из рассказов, вошедших в этот сборник. У любви этого человека есть тень – его самый близкий человек живет с ВИЧ, и ВИЧ – реальность жизни мужчин, чьи истории я вам рассказал.

Но все же, эти истории – не о ВИЧ, а о чувствах, о взаимоотношениях мужчин, о наших страхах, надеждах, о наших победах. Я писал их с глубоким уважением к людям, живущим с ВИЧ.

Я желаю всем нам бесстрашия перед жизнью и обретения любви, той самой, что способна провести человека через самую темную ночь жизни. Если хочешь быть любимым – люби.

Автор: Курос
Редактор: Евгений Писемский
Вёрстка: Тима Тимохин, Карл Мартин
Дизайн: Антон Макинтош
Иллюстрации: Карл Мартин
Только для лиц, старше 18 лет (18+)

**Сборник подготовлен волонтерами проекта "Парни ПЛЮС".
Печать сборника осуществлена на частные пожертвования
ЛГБТ-активистов и их сторонников.**

www.parniplus.com

Мы живы, мы рядом, нас любят	5
Небеса не добры	29
Стокриновые сны	57
Вирус	72
Объятие.....	101

МЫ ЖИВЫ, МЫ РЯДОМ, НАС ЛЮБЯТ

Стоял знойный июнь. По выходным дням парк оживал ни свет, ни заря. Проносились велосипедисты, за ними мчались очутившиеся на свободе домашние питомцы, гоняли любители роликовых коньков, словом, жизнь кипела, и бегать было невозможно.

Артём скрепя сердце стал ставить будильник на семь. В половину восьмого он уже бывал в парке, разминался и начинал пробежку. По тенистым дорожкам, мимо пруда, по тропинке в таинственную тишину и свежесть, в густой запах листвы. Там, на спрятавшейся за старыми деревьями полянке, он в первый раз и увидел Ника.

Обнаженный по пояс гибкий парень плавно, не торопясь, двигался под слышимую одному ему мелодию. Он вел сложный, загадочный танец, связанный, казалось, с самим утренним небом; каждый выверенный, сосредоточенный взмах руки оставлял медленно тающий след во все еще прохладном утреннем воздухе; каждый поворот чуть

тронутого легким загаром тела заставлял вибрировать невидимые струны; каждый наклон прекрасно посаженной темноволосой головы рождал легкий ветерок. Это была восточная гимнастика, бесспорно, но какая именно, Артём тогда не знал. Он остановился. На его глазах из одного движения тут же рождалось другое, и еще одно; зрелище завораживало, не отпускало, не давало уйти, казалось, еще немного, и зазвучит нежная музыка. Незнакомец был полностью, абсолютно поглощен собой.

Но не настолько, как оказалось, чтобы не почувствовать, что на него смотрят. Он завершил упражнение, почтительно поклонившись невидимому божеству, и с любопытством посмотрел на Артёма. Тот вспыхнул. Засматриваться на парней в парке было не очень-то благоразумно. Глупо, очень глупо. Сейчас из тени деревьев с мелодичным смехом выбежит девушка, грациозная и свежая, поцелует загадочного танцора, и утренний мираж рассеется. А ты помечтай, ласково сказал себе Артём, минутка-другая еще есть.

– Это тайцзы, – приветливо сказал парень. – Вернее, лет через десять практики станет похоже на тайцзы, а не на зарядку.

– Да это прекрасно, – откликнулся Артём. – давно занимаетесь?

– Второй год.

Они подошли друг к другу. На Артёма взглянули грустные карие глаза.

– Ник, – представился незнакомец.

Он стоял так близко, что Артём чувствовал запах его тела, очень приятный, терпкий, но легкий, невесомый, как и сам Ник. Его кожа чуть блестела от испарины, над верхней губой и на висках выступили капельки пота, волосы на груди и на

плоском животе над широкой резинкой легких спортивных брюк, сидевших на бедрах, казались влажными, на шее заметно пульсировала жилка. Артёма накрыла волна желаний. О, это будет замечательно, дать Нику воочию убедиться, насколько он хорош собой – у бегунов на него так и встает, никакого спортивного самообладания, ну что ты будешь делать.

Артём назвал свое имя. Полного конфуза, к счастью, не произошло.

Ник поднял с травы светлый рюкзачок, закинул его за плечо и улыбнулся.

– Бежишь дальше?

– Да нет, жарко, – Артём вдруг понял, что и сам весь мокрый от начинавшегося все раньше зноя. – Ты куда?

– Можно пройтись, – спокойно предложил Ник.

Артём решительно стянул футболку. Всю зиму и весну он усердно занимался в спортзале. Уж не этой ли ради минуты – эффектно продемонстрировать рельефный торс адепту восточных практик?!

Они прогуляли с полчаса, может быть, чуть дольше, легко подладившись под шаг друг друга. Ни тот, ни другой никуда не торопились; было все еще рано, хотя первые бодрые пенсионеры усаживались на лавочки в тени и доставали газеты и журналы.

Легкость разговора с совершенно незнакомым человеком поразила Артёма. Можно было болтать обо всем, что в голову взбредет, от политики до музыки; Ник, казалось, мог поддержать беседу на любую тему – не было затянувшихся пауз, мучительного поиска верных слов, недоуменных взглядов – о чем это ты, приятель?! Я исстрадался по общению, подумал Артём, по такому вот разговору, не по душам, конечно, мы же только что познакомились, а по общению в подлинном

смысле этого слова, наверное; забыл, что меня могут слушать и понимать. Он исподволь рассматривал своего спутника.

Интересное лицо; сильная лепка, высокие скулы, глубокие глаза, крупный решительный рот, веснушки на носу. Резкая, грубоватая красота, так странно гармонирующая с гибким, легким, воздушным телом. И... хрупкость, волнующая неявная нежность, проступающая во взгляде, изящных жестах, чуть застенчивой улыбке. Отстраненность. Невозможно было угадать, понимал ли новый знакомый Артёма, что будил в нем совсем не дружеские чувства, или, во всяком случае, не только дружеские.

– Ты женат? – поинтересовался Ник.

– Нет, – выдохнул Артём.

Сказать? А что остается? Я же до исступления хочу до тебя дотронуться, славный Ник, нельзя быть таким желанным и так запросто разгуливать без футболки, нельзя так хорошо пахнуть, и уж совершенно недопустимо идти совсем рядом – только руку протяни, и можно притянуть тебя к груди и поцеловать. Отвести домой, смотреть, как ты раздеваешься, любоваться каждым твоим движением, а потом сплестись с тобой в один горячий клубок, начать гонку к финалу, чтобы наши заключительные стоны прозвучали одновременно.

Мне нужен постоянный парень, то, что называют «отношения», общность, близость, назови как хочешь, а не истерики вперемешку с сексом, невесело признался себе Артём. С Владом взаимопонимание невозможно. Ночные звонки, скандалы, то неделя тишины, а за ней – шквал сообщений, то признания в любви, а потом : «Мне нужна свобода, полная свобода, я ничего тебе не обещал».

– Я тоже холостяк, – весело откликнулся Ник. – Хозяйничаю сам понемножку. Ну что, пора расходиться, наверное?

Он улыбнулся.

– Завтра бегаешь?

В воскресенье Артём собирался отоспаться, но решительно выдохнул:

– Бегаю. Можно погулять, если ты не против, пройтись, как сегодня.

– Давай созвонимся, – Ник достал из рюкзака телефон. – Так жарко, что можно уже чуть ли не в шесть в парк приходиться. Кто первый просыпается, тот и звонит.

Они обменялись номерами и разошлись. Артём еле удержался, чтобы не повернуться и не проводить глазами нового знакомого. Еще только не хватало – в зрелом, в общем-то возрасте, за тридцать, влюбиться в первого встречного!

Впереди простиралась бесконечная суббота. Звонить Владу раньше полудня не имело смысла, тот или не ответил бы, или рассердился, решив, что звонок «ни свет, ни заря» в выходной день – попытка его контролировать. Томный, взбалмошный, тот мог свести с ума капризами и переменами настроения; Артём ни на миг не сомневался, что он сам – лишь один из вереницы уже далеко не юных мужчин, очарованных вечно ускользающим, никак не дающимся в руки опасным и желанным созданием. Наваждение. Неизвестно, что выкинет этот мальчишка в следующий момент.

Так и вышло; ближе к обеду от Влада пришло сообщение из трех слов : «Занят, перезвоню позже».

Артём застонал от бессильной злобы. Позже! Отлично, позже я и сам буду занят. Пусть в игру вступит случай; возможно, когда-нибудь, по прихоти судьбы, он так и встретит настоящую любовь – неожиданно?! Но почему он вдруг вообще стал задумываться о чувствах?! Когда она появилась, жажда близости, глубокой дружбы, уверенности в том, что его поймут и примут таким, каков он есть, со всеми

недостатками? Возраст, угрюмо, сказал себе Артём, усталость, а возможно, всего лишь жара, долгие летние дни, короткие душные ночи.

Зимой он расстался с парнем, с которым прожил почти полгода. Они разошлись без ссор и скандалов; их союз изжил себя, и осталось только собрать вещи и уйти. Свобода вначале не тяготила Артёма, став в конце концов невыносимой и обернувшись одиночеством.

Одиночество и ждало Артёма, когда во втором часу ночи он вернулся домой, в пустую квартирку; никому не было до него никакого дела, никто за него не волновался, никто не желал ему счастья. Парень, поделившийся с ним ласки, вот уж действительно знойные в душный, горячечный вечер, был занят сам собой; он, казалось, не мог дожидаться, когда же Артём наконец-то сообразит уйти, а тот словно нарочно медлил, надеясь... На что? На иллюзию близости?

Я жалок, невесело признался себе Артём. Мне нужно человеческое тепло, а как раз его-то я и не могу найти; да и кто готов вот так, запросто, ничего не ожидая в ответ, принять участие в другом человеке?! Не те времена, друг мой, каждый занят сам собой, для всех идут неумолимые часы, отсчитывая минуту за минутой перед тем мигом, когда ты вдруг поймешь, что настала пора убавлять себе годы и прибавлять сантиметры, расписывая в анкетах собственные достоинства, а то останешься один-одинешенек, наедине с призраками ушедшей юности.

Ник. Его образ всплыл перед глазами Артёма. Умный, необычный парень. В самой глубине медленно тлеющей ночи, в ожидании утра, Артём сквозь дрему размышлял о новом знакомом – на прогулке они вели общий разговор, почти не касаясь личных тем, и можно было придумать что угодно, дав волю воображению. Перед тем, как провалиться в сон, Артём почти сумел убедить себя, что Ник непременно встречается с какой-нибудь милой барышней, а живет один, чтобы

не терять свободу и независимость. Именно так и нужно было решить, с самого начала, чтобы не было больно, когда так и окажется, и Ник придет на утреннюю встречу не один.

- Не разбудил?

У Ника был приятный, веселый голос, и Артём мигом проснулся.

- Извини, если рано звоню, но уже под тридцать. Или сейчас, или никогда, я сам готов выходить.

- Я собираюсь! – Артём вскочил. – На той же полянке!

Он чувствовал себя юным и полным сил, жизнь впервые за долгое время показалась ему захватывающим приключением – пусть Ник и знать не знает, что в него влюбился случайный знакомый из парка, все равно Артём его увидит, они снова будут брести плечом к плечу по дорожкам, снова можно будет вдохнуть пряный, терпкий, дурманящий запах нового знакомого.

- Бурная ночь? – искренне расхохотался Ник, едва увидев Артёма. – Может, тебе лучше не бегать, а подремать в тенечке? Что-то выглядишь ты... усталым.

- Ну, не то чтобы бурная, – Артём тоже рассмеялся. – Хотя бы круг пробегу, чтобы стыдно не было. За бесцельно прожитое утро.

Сам Ник излучал свежесть и легкость; Артёму не хотелось оставлять его хоть на миг. Что за чертовщина! Хоть садись и любуйся на него, на игру мышц под гладкой кожей, плавные движения грациозного тела.

Кое-как одолев один круг, Артём так и сделал – устроился в тени, наслаждаясь прохладой, еще сохранившейся под ветвями деревьев, и как зачарованный следил за новым другом. И в конце концов уснул – Ник разбудил его, потрепав

по плечу. Артём едва удержался, чтобы не дотронуться до сильных, ласковых пальцев. Впрочем, Ник сам присел на горячую траву.

– Что потом делаешь?

Артём замялся. Ему не хотелось признаваться, что никаких планов у него как раз и не было – разве что ждать, уставившись в одну точку, не позвонит ли Влад.

– Выставка есть интересная, фотографии. Не хочешь пойти, если не занят?

Я забыл, что можно жить вот так – гулять в парке, отпрапляться в музей, быть обычным, обыкновенным, пронеслось в голове у Артёма. Да это же всегда было возможно – так вот запросто провести утро и день с симпатичным, интересным парнем, в какой же день и час я решил, что дружба для меня под запретом, что любой от меня шарахнется, если поймет, кто я на самом деле?!

Непривычное ощущение – что они знакомы давным – давно, чуть ли не с детства, не покидало Артёма весь день, проведенный с Ником. Они ненадолго разошлись, чтобы переодеться, встретились снова и отправились в музей на метро, чтобы потом зайти пообедать и, возможно, выпить по кружке пива; в полупустом вагоне сидели, касаясь плечами; шли рядом по раскаленной улице, спускаясь к Москва-реке, к Третьяковке на Крымском валу. От этой ускользящей близости у Артёма слегка кружилась голова. На первом курсе института он был безнадежно влюблен в паренька из своей группы. Иногда они вместе проезжали пару остановок на метро; Артём тогда страстно мечтал об одном – чтобы поезд остановился, и они оказались запертыми под землей, надолго, пусть и среди встревоженных пассажиров, главное было быть рядом. Теперь ему также не хотелось расставаться с Ником, и также сладко ныло в груди от желания, и невозможности, дотронуться до него.

В самых верхних залах одряхлевшего музея, после череды странных конструкций, в которых невозможно было разобраться, как ни старайся, Артём невольно рассмеялся, увидев на огромных, ни на что не похожих фотографиях отливающей синевой снег.

– Я так и знал, будет потрясающе – Ник был доволен произведенным эффектом. – Ты посмотри, ото льда холодом веет, вот это талант – так снимать, это же настоящее искусство.

Да, казалось, в этом зале веяло прохладой; не хотелось уходить, выбираться на неистовое, беспощадное Солнце. От контраста снежных пространств, заключенных в геометрические рамки, и горячего воздуха, липнущего к коже, у Артёма на миг пропало чувство реальности. Где он? Кто его изящный спутник? Что происходит?

За обедом Ник рассказывал о тайцзы, таинственных энергиях, пронизывающих Космос, о поездке, даже целом путешествии, на ритрит – новое для Артёма слово, – в Китай. Он говорил легко и красиво, как человек, прочитавший и обдумавший немало хороших, умных книг. Но иногда по его чудесному лицу словно пробежала тень, воспоминание о чем-то тягостном, что никак не хотело уходить и напоминало о себе ноющей болью, как незаживающая рана.

Признаться? Сказать Нику, что он для меня не просто новый знакомый? Артём давно не задавался такими вопросами. Был мир «своих», и был обычный, нормальный мир; с годами он легко научился существовать в обоих. Только так можно было всерьез заняться карьерой, только так можно было выжить – сходя за обыкновенного молодого мужчину, откладывающего, в духе времен, женитьбу чуть ли не до сорока лет и работающего на износ ради отпусков в экзотических странах и все более мощных машин.

Я очарован, признался себе Артём. Банально, но это так. Если бы, когда-нибудь, такой человек заинтересовался мной,

я был бы счастлив. Ник достоин любви, ради него было бы не страшно дать обет верности – и блюсти его, понимая, что такая встреча выпадает раз в жизни, что судьба посылает интересного, привлекательного и очень, очень желанного парня лишь раз, другого такого не будет. Только бы его не вспугнуть; но как же хочется до него дотронуться, обнять, почувствовать рядом гибкое, сильное тело.

Или Ник понимал, что стал предметом страсти, и его забавляла сама эта игра, их с Артёмом наивное притворство, игра в двух новых приятелей, проводящих вместе воскресенье? Могло ли быть, что и он искал большего, чем секс, что и ему хотелось более глубокой близости?

День подходил к концу. Артём и не помнил, когда он был так счастлив – и от чего, казалось бы? Они договорились встретиться в следующие выходные.

Рабочая неделя тянулась вечность. Объявился Влад, и даже снизошел до того, чтобы провести у Артёма ночь, но очарование капризного, взбалмошного существа стремительно таяло. Он глуп, понял Артём, и эта недалекость, отсутствие хоть какой-то глубины, банальность каждого слова и жеста, предсказуемость каждой фразы исключают подлинное чувство. К Владу можно привязаться, его можно страстно хотеть, но невозможно полюбить – любить-то некого. Впервые за время их знакомства Артём почувствовал жалость к незлому, в сущности, парнишке, привыкшему к потаканию всем его причудам и испорченному слепым обожанием взрослых мужчин, попавших под чары юности. Артём тихонько посмеивался в темноте, прислушиваясь к сопению Влада. Весной он, образованный, зрелый человек, писал тому реферат – теперь этот эпизод казался смешным. Реферат! Ему так и диплом, и диссертацию кто-нибудь напишет, подумал Артём, ну уж только не я, увольте. Они холодно распрощались утром; Влад занял у Артёма денег, далеко не в первый раз и вовсе не пустяковую сумму, которую, естественно, никогда

бы и не подумал возвращать, и исчез, поглощенный собой и каким-то важным звонком.

Ник, Ник, Ник. Стоило Артёму прикрыть глаза, и он тут же видел ясное, чуть грустное лицо. О чем мог печалиться такой красивый парень?! Что загадочного могло остаться в человеке в это жестокое время полной, казалось бы, открытости всех и каждого – в эпоху бесконечного душевного и телесного эксгибиционизма, процветающего в Сети?! Тайна завораживала, будила воображение – несчастная любовь? Скорее всего; новый знакомый Артёма был самым чувственным из всех когда-либо встреченных им парней, его облик будил не просто желание обладать, а желание завладеть человеком, узнать его, понять, что скрывается за чуть застенчивой улыбкой, прячется в глубине глаз, прорывается то и дело в тревожном подергивании правого уголка чудесно очерченного рта. Я повзрослел, говорил себе Артём, я готов к любви.

После череды наполненных зноем и ожиданием дней и томительных ночей все-таки настала суббота. Ночь накануне Артём почти не спал. Собиралась, но прошла стороной гроза. Что-то должно было случиться, что-то важное, но Артём не мог понять, надвигалась ли на него беда или нужно было готовиться к счастью, такому же сокрушительному по силе, как и самое глубокое горе.

Они встретились совсем рано, в семь – спать все равно было невозможно. Даже среди деревьев уже чувствовался зной. Ник пришел первым и лежал навзничь в тени, закинув руку за голову.

– Привет, – Артём опустился рядом с ним.

Да он надо мной смеется, я же его сейчас поцелую, и будь что будет. Снова волна желания, жестокого в своей неумолимости. Я так долго не протяну, подумал Артём, нужно объясниться.

Набраться смелости и рассказать о себе, это единственный выход. Не получится дружбы, не с такой страстью.

Ник легко повернулся к Артёму и приподнялся на локте. Он тоже волнуется, понял Артём, что же он мне хочет сказать? Что случилось?

– Слушай, я должен сказать это сейчас, пока не поздно, – Ник на миг умолк, закусил губу. Было мучительно смотреть на ужасающую внутреннюю борьбу. Казалось, он подавлял стон, или всхлип, или из последних сил сдерживал слезы. У Артёма заняло сердце.

Потом Ник покачал головой и быстро проговорил:

– Я вижу, что нравлюсь тебе, этого невозможно не заметить. Артём, у меня ВИЧ. Извини. Лучше уйди сейчас, мне так легче, я не из стали сделан.

Артём инстинктивно отшатнулся. И сразу ужаснулся этой реакции, первой мысли, пришедшей в голову – нужно прощаться, немедленно, вот и конец сказке, поздравляю вас, вы свободны, выход слева.

Такое было, несколько лет назад; было признание, было бегство. Но и тогда Артём успокоился не сразу; ему все казалось, что он должен был найти слова, чтобы поддержать совсем юного, чуть старше двадцати, паренька с огромными, полными ужаса глазами.

Но в этот раз... Это же был... Ник.

Артёму понадобилось, тем не менее, все его мужество, чтобы сделать один простой жест – протянуть руку и осторожно погладить Ника по щеке.

То, что совершенно здоровый на вид, грациозный, сильный парень поражен вирусом, казалось абсурдом. Призрак болезни, всегда прятавшийся в темноте, где-то позади, рядом, но вне

поля зрения, принял облик молодого, красивого мужчины.

– Если ты уходишь, что прошу, сделай это сейчас, – тихо сказал Ник. – Я привык к одиночеству. Надежда меня убьет, понимаешь, не болезнь – меня убьет надежда на счастье.

Его глаза были полны слез, и он запрокинул голову, не давая им пролиться. Потом Ник по-детски шмыгнул носом и пробормотал:

– Черт, я же справлялся. Жил как-то. И тут – ты, из ниоткуда.

– Ты давно... болен?

Артём понял, что даже не знает, как подобрать слова, что сказать – жалость должна была бы быть унижительной, наигранная легкость – оскорбить. Он не ошибался; Ник с самого начала понял, что перед ним свой, и его также, иначе и быть не могло, захватило чувство, да только тайна осложняла самые простые вещи – проходили же они раньше через многие, многие знакомства, не смущаясь и не теряясь?! В диагнозе и была разгадка загадочности этого прелестного, несчастного парня.

– Три года с половиной, – Ник сел и обнял колени. – Неудачно съездил в отпуск. Я, как тебе это объяснить, не сильно больной – лекарства мне подходят, так что чувствую себя, вообще-то, чуть ли не лучше, чем раньше. А что будет – кто знает.

Они замолчали.

Страх. Заболеть и угаснуть, так ничего и не успев в жизни – что может быть ужаснее? Разве что прожить последние годы изгоем, никому не нужным, о котором никто не будет скорбеть.

Артём не сразу понял, что с ним произошло. Из самой глубины его существа поднялась вдруг волна любви, такая мощная, что сердце на миг замерло, а потом забилось,

как подбитая птица. Перед ним был Ник, и о нем Артём мечтал всю неделю, и это его Артём полюбил, так, как, в сущности, и можно только полюбить – сразу, повинуясь судьбе, не ставя под ее справедливость. Любовь пришла сама, в свое время, откликнувшись на призыв двоих, готовых ей открыться, и уйти означало предать не только другого – предать самого себя.

Само течение жизни привело Артёма к Нику; были тысячи шагов, и каждый вел к этой полянке, ставшей изящной декорацией к человеческой драме.

– Ну, я пошел. Приятно было познакомиться, – и Ник собрался встать, это было видно по его лицу. Гордый. Гордый, ранимый, одинокий.

А ты ничего и не решал, видишь, он сам уходит, тоненько пропел страх Артёма. Ник же понимает, что это у вас не жизнь была бы, а одно мучение – все время помнить, что можно, а чего нельзя, а уж нельзя много чего было бы; да и как так жить – привяжешься к нему, а он возьмет да и умрет у тебя на руках, и хорошо еще, если сам уцелеешь. Останешься один – и все по новой, что ли?! Так уж лучше и не начинать. Невесело как-то. Ну и пусть. Он сам виноват, что заразился, умнее нужно было быть, и осторожнее. Дурак, хоть и красивый.

Артём не узнал свой собственный голос. Страх успел только прошептать – ты что делаешь, ненормальный, дай ему уйти, забудь, нового встретишь, как Артём глухо сказал:

– Не уходи. Я не знаю просто, как... реагировать. Извини. И я... дремучий, как из леса. Или с Луны. Останься, пожалуйста. Дело в том, что я, кажется, тебя люблю. Вернее, я уверен. Коль, я тебя люблю.

Они одновременно потянулись друг к другу; Ник очень осторожно коснулся губами щеки Артёма. Они все еще были одни среди деревьев, словно чья-то благосклонная к ним воля

убрала подальше всех посторонних.

– И я тебя люблю, с первого взгляда, наверное. Есть правила, несложные, на самом деле, что и как можно делать. Но слушай, ты уверен, что хочешь остаться? Я не на жалость бью, это же важно для тебя, жизненно важно.

Да нет у меня выбора, понял Артём. Я не могу уйти – куда, к кому?! Теперь, когда я знаю, как прекрасно любить достойного человека – отвернуться и оставить его?! Не встречу я больше никого, хоть немного похожего на Ника, он – единственный. И живут же как-то такие пары, что-то я слышал, мельком, и ничего, справляются. Артём невольно улыбнулся, осознав вдруг, что видит их с Ником не просто «вместе», а живущими семьей, под одной крышей, хозяйничающими на пару и засыпающими в одной постели в обнимку. Это уж точно можно, Артём тихонько рассмеялся, уж обниматься можно хоть с утра до вечера.

– К тебе или ко мне? – спросил Ник. – Пойдем потихоньку? У меня обстановка... своеобразная.

– Хочу посмотреть, как ты живешь, – Артём накрыл ладонью пальцы друга. – Мне все про тебя интересно. Встаем?

Они вдруг стали очень стеснительными и натянули футболки; несмотря на зной, обоих охватила легкая дрожь. Им еще предстояло понять, что каждый из них сделал выбор, принял важнейшее решение – открыться другому. Стремительное сближение, неумолимая сила, властно заставившая их бросить вызов страхам – потерять любимого человека, оказаться преданным. Любовь. Тяжесть прошла, теперь можно было дышать полной грудью.

Квартирка Ника была почти пустой. Белые стены, одинокий свиток с птичкой на ветке и столбцом иероглифов, свернутый легкий матрас, огромная доска, вроде шахматной, на полу, россыпь подушек, вот и вся обстановка.

Келья отшельника, понял Артём.

Он принял душ первым. Как все странно. Ник бесшумно подошел к нему сзади и обвил руками. Горячие губы на плече, горячие пальцы на плоти. Страсть рука об руку с опасностью. Артём осторожно высвободился из объятий и повернулся к Нику. Тот был... прекрасен; пленительное сочетание мужской силы и юношеской гибкости, дурманящий запах переполненного желанием тела. Нарисованный художником, или вылепленный скульптором. Живой, желанный.

– Ну, как ты понял, мы будем очень осторожны, – Ник застенчиво улыбнулся. – Готов?

– Готов.

Артём на миг замер, а потом решительно притянул к себе Ника, взял в руки чудесное лицо с подернувшимися желанием, глубокими глазами и начал не торопясь покрывать его поцелуями. Он чувствовал каждый удар сердца Ника, неумолимо гнавшего и гнавшего по венам и артериям отравленную кровь.

А потом они дремали, обнявшись в знойном воздухе, и пили обжигающий зеленый чай из крохотных чашечек, и еще раз пустились в любовную гонку, и ели заказанную на дом пиццу, и обсуждали, что им нужно купить в первую очередь домой, потому что было решено, что Артём переедет к Нику, и рассказывали друг другу о себе.

– Я помню тот день, когда узнал, что у меня ВИЧ так ясно, будто это было вчера.

Ник легко перевернул Артёма на живот и начал разминать ему спину. Тот понял, что сопротивляться не нужно – Нику так было легче говорить, исповедуясь вечерней тишине. Да и его сильные пальцы безошибочно находили на теле Артёма именно те точки, на которые нужно было надавить, сначала

осторожно, потом сильнее, чтобы восстановить, как объяснил Ник, естественный ток энергий.

– Я сдал анализы по наитию, наверное. Мне вынесли смертельный приговор, так мне казалось. Я чувствовал обреченность и дикий, жуткий страх – уйти вот так, в двадцать три, ничего не успев, не увидев мир, не познав любовь, а только сменив сотню парней, слившихся для меня в одну безликую фигуру?! Говорить каждому новому партнеру, что я заражен?! И понимать, что такой же страх будет заставлять их поворачиваться ко мне спиной и убегать?!

Я шел по вечерней улице, и у меня не было сил, чтобы заплакать. Была поздняя осень, и окна домов светились теплом и уютом. Там жили люди, которые могли строить планы на будущее, хоть на годы вперед. У меня больше будущего не было.

Первое, что пришло мне в голову – покончить с собой. Жизнь все равно подходила к концу, а провести остаток дней в одиночестве было бы медленной пыткой. Но смелости у меня не хватило. Я сидел на кухоньке в этой же квартире и смотрел на горсть таблеток на столе. Так просто. Исчезнуть, и не оставить после себя ничего, даже не обернуться чьим-то воспоминанием. Мне не кого было опереться; родители давным-давно развелись и жили в новых семьях, я не общался с ними, чтобы не выслушивать нравоучений и не лгать. До диагноза я искал новых и новых парней, меня захватывала сама охота, эта бурлящая, но невидимая никому кроме посвященных жизнь. Теперь я оставался один на один с полной неизвестностью. В какой-то миг я поднес таблетки к губам.

И не решился.

Жажда счастья, наверное, и гордость – биться до последнего, пусть и в одиночку. Не сдаваться. Назло всем. Принять вызов. Не знаю, откуда ко мне пришло мужество. Я не считал себя

сильным, и уж точно никогда не был волевым. И все-таки начал сражение. Пережил привыкание к лекарствам, тошноту и мигрени. Перечитал все, что смог найти, о моей болезни. Чтобы не сойти с ума от одиночества, занялся тайцзы. Были ночи, когда я выл от тоски; были дни, когда я жалел, что не совершил самоубийство. И все-таки я жил.

Я стал невидимкой, призраком, тем, о ком не говорят, чтобы не испортить себе настроение. Кто хочет думать о болезни?! Жизнь и так коротка; что толку тратить время на обреченного человека? Хорошо, обреченного не на скорую смерть, а на сосуществование с вирусом, всегда готовым найти себе еще одну жертву. Кому хочется помнить о правилах, если можно обойтись без них?! Я мог бы и не предупреждать своих новых знакомых, конечно; каждый сам за себя, не пойман – не вор, одна, две, три встречи – и мы исчезали бы из жизней друг друга, как исчез заразивший меня парень.

Мне казалось, что счастлив весь мир, кроме меня; я оттаивал только на занятиях в клубе восточных практик – но там никто не знал обо мне правду, ни что я гей, ни что я заражен. И все-таки в идеях давно ушедших мудрецов было нечто, удержавшее меня на плаву. Они описывали жизнь как путь, и я упрямо шел вперед, спотыкался, но делал шаг за шагом, как бы тяжело мне не было. В моей жизни должен был быть какой-то смысл, я не появился случайно, чтобы также случайно исчезнуть. До диагноза я вообще не задумывался о смысле существования. А тут – древние трактаты, слова, над которыми можно было размышлять целыми днями. Я смотрел в ночное небо. Оно не было ни добро, ни зло; в равнодушии Космоса было заложено все – и самая страстная близость, и самое глубокое отчаяние, нужно было лишь решить, что выбираешь именно ты. Вокруг меня медленно шло течение Вечности, и именно ей я и принадлежал, плывущий по реке жизни под пронизательным взглядом звезд.

Я стал мечтать о невероятном – любви. Мне больше не

хотелось веселья и приключений, мне хотелось спокойной, взрослой жизни с близким человеком. Я понимал, что эти фантазии вряд ли сбудутся, но именно в них я нашел опору.

Ник вздохнул.

– Это было так странно, когда ты вдруг возник на полянке, словно по взмаху волшебной палочки. Такой образ я себе и представлял – чуть повыше меня, старше, светловолосый. И обязательно добрый. Знать, что мне предстоит рассказать тебе о моем диагнозе и понимать, что ты почти наверняка уйдешь, было... невыносимо. Наверное, если бы ты ушел... Не знаю. Я до сих пор не верю, что ты остался.

Артём перевернулся на спину. Его вдруг поразила хрупкость человеческого бытия, драгоценность человеческой жизни, то, какое это счастье – быть не одному, найти свою половину.

– Я не уйду, – он притянул к себе Ника. – Никогда. Но пообещай мне, что и ты не уйдешь. Пожалуйста, оставайся со мной. Живи.

В ту ночь наконец-то разразилась гроза. Ливень шел стеной, за окном грохотали сплошные потоки воды, и Артёму казалось, что они с Ником плывут по бурному морю, навстречу неизвестности. Но никакие опасности уже не могли напугать их, потому что они были вместе.

И снова стоит лето, наше второе лето с тобой, Ник.

Мы снова ходим в парк по выходным дням, ты также ведешь изящный танец на полянке, я также, пробежав пару кругов, устраиваюсь неподалеку и люблюсь тобой.

Ты очень красивый и очень уязвимый. Будь это возможно, я не отпускал бы тебя ни на шаг, а еще лучше, пришил бы к себе булавкой – чтобы ты уж точно был рядом. Или, как

ты говоришь с нежной, ласковой улыбкой, носил бы тебя в нагрудном кармане – поближе к сердцу. Ну что поделатъ, ты, мой любимый, самое дорогое, что только есть у меня в жизни. С той самой субботы мы не разлучались ни на день, и я надеюсь, что так и будет; к счастью, ни ты, ни я не ездим в командировки, а отдыхаем мы вместе.

Я за тебя переживаю. Знаю, знаю, ты настолько здоров, насколько это можно при твоём диагнозе; но мир и вообще-то полон опасностей, так что лучше привыкни к мысли, что прыжки с парашютом, покорение горных вершин, сплав на байдарках по горным рекам, дельтапланеризм – удел тех, за кого не живут в постоянной тревоге. Но ты можешь заниматься тайцзи или играть в шашки Го – очень милые и безопасные занятия. Да, ты прав, мы вроде двух пенсионеров, которым нужно помнить о ненадежной пояснице и больном колене. Возможно, когда-нибудь, лет через сто, я поверю, что ты не просто сильный человек – я поверю, что ты намного сильнее меня, потому что пережил в одиночку два страшных, гиблых года. За это я корю себя – тебе было больно, а меня не было рядом, я не сумел найти тебя раньше и обрек биться с болезнью один на один.

Как и ты, я прочитал о ней все, что только можно; я молюсь, чтобы все-таки было изобретено лекарство, как можно скорее. Я узнал великое множество терминов, могу хоть среди ночи рассуждать о «неопределяемой вирусной нагрузке» и других непонятных обычным людям вещах, чрезвычайно важных для таких вот, как мы с тобой, так что хоть отправляй меня на международную конференцию с докладом «Сила любви как составляющая антиретровирусной терапии».

Поверь, я ценю каждый миг нашей жизни. Мы стали, как и хотели – семьей; такими неразлучниками, проводящими все свободное время, каждую минутку, вместе. Но не всегда только вдвоем – у нас появились друзья, ребята и девчонки из твоих восточных клубов. Их совершенно не волнует, что

два парня живут вместе; да и почему это должно хоть кого-то смущать?! Для наших друзей мы не невидимки, а такие же люди, как и они, также проживающие одну-единственную жизнь.

Да, есть правила, о которых нельзя забывать, и да, твоя бритва всегда стоит в шкафчике, а не на раковине, отдельно от моей, чтобы я их случайно не перепутал. Наш секс не назовешь безумным, и зимой, когда губы, хочешь не хочешь, трескались от мороза, мы целовались не так часто, как хотелось бы.

Иногда ты думаешь, что я устану и уйду, оставив тебя одного. Пойми, я счастлив с тобой. Я не могу уйти от самого себя, а могу лишь становиться все смелее, понимая, кто я есть на самом деле и находя все больше силы в нашей любви.

Я никогда не засыпаю первым. Мне нравится слушать, как твое дыхание становится все глубже и глубже, а потом ты переходишь в мир грез. Твоя рука лежит у меня на груди, или я обнимаю тебя, чуть улыбаясь в темноте. Мы купили матрас побольше, и я быстро привык спать на полу. По потолку пробегают загадочные тени, ты тихонько вздыхаешь во сне, и меня наполняет покой. Каждый миг нашей жизни должен быть бесконечным, я хочу баюкать тебя в объятиях, пока вокруг рождаются и умирают целые вселенные. Мне нужна вечность, целая вечность жизни с тобой.

Я даже не знаю, как объяснить тебе, как ты мне дорог.

Я не смогу без тебя жить. Ты стал воздухом, которым я дышу; из нас двоих я хочу уйти первым. Ты сможешь выжить без меня, ты сильный, а я – нет, я уже не смогу существовать без твоей любви.

Но мы живы, оба.

В конце лета мы отправимся в наше первое общее путешествие, в Азию, а пока мы коротаем долгие дни в городе,

дожидаясь выходных, чтобы с утра пораньше выбраться на свежий воздух. Среди недели я подхватываю тебя на машине после работы, и мы вместе едем домой. По дороге ты дурачишься и рассказываешь мне всякую всячину о прошедшем дне, заставляя меня хохотать чуть ли не до слез. Ты работаешь в банке, наверное, очень скучном, но тебя послушать, так можно про вас снимать сериал, так смешно и забавно ты описываешь ваши будни.

Я люблюсь тобой. Конечно, ты не совершенен. Прекрасен, но не совершенен, и эта незавершенность будит во мне какую-то великую тоску – извечное человеческое стремление к Абсолюту.

Да, я читаю твои мудрые книги; я поверил, что такое возможно – не разлучаться вообще никогда, находить друг друга в каждом новом мире, куда нас забросит судьба, встречаться вновь и вновь, чтобы когда-то, в будущем, неподвластном нашему воображению, стать одним единым существом.

Это, наверное, и есть смысл любви – слияние?!

И вот еще что, Ник. Я перестал бояться. Я волнуюсь и тревожусь за тебя, но самый глубокий человеческий страх – прожить бессмысленную жизнь, ушел.

Моя жизнь наполнена смыслом, и он заключается в тебе, мой дорогой. Я создан, чтобы любить тебя, как бы напыщенно это не звучало. Оберегать тебя, защищать, класть ладонь тебе на лоб, когда у тебя болит голова, баловать, украдкой приносить домой подарки на Новый Год и день рождения и прятать их, чтобы насладиться изумлением и радостью на твоём лице, любоваться тобой, пить вместе чай, устроившись на полу у маленького чайника, тихонько посмеиваться, видя твою детскую досаду, когда не удастся сразу разобрать сложную партию в Го.

А сейчас мы как раз и подъезжаем к дому. Мы войдем в душную прихожую, первым делом обнимемся, твоя кожа будет горячей и соленой на вкус, что принимай душ, что нет, я утяну тебя на пол, на наш славный матрас, а потом вечер пойдет своим чередом, от ужина до сериала, чтобы завершиться погружением в сон, эту ежедневную репетицию смерти.

Но я знаю, что смерть нас не разлучит. Почему я так уверен? Да ты мне снишься, милый мальчик, дышишь рядом и снишься, у нас с тобой грезы одни на двоих, вот так. Значит, и за чертой, разделяющей жизнь и небытие, мы также будем вместе.

Кто-то очень добрый и сильный охраняет нас, пока мы отдыхаем, каждую ночь, позволяя нам беззаботно блуждать в призрачном мире фантазий. Понимаешь, наша с тобой любовь так сильна, что ее заметили где-то там, высоко в небе, и решили оберегать от невзгод. Нас увидели благодаря тебе, Ник – ты очень светлый человек. Очень важно, чтобы мы были счастливы. Очень, очень важно.

Пожалуйста, оставайся со мной как можно дольше.

Я тебя люблю.

НЕБЕСА НЕ ДОБРЫ

-1-

Это было тихое, затерявшееся среди домов кладбище, утопающее в зелени деревьев летом, укутанное снегом зимой, словно забытое временем, хотя оно было действующим. К нему можно было пройти или проехать на троллейбусе от «Рижской» или от «Алексеевской», двух старых станций метро на оранжевой ветке, всегда нравившейся Диме.

Он полюбил приезжать туда к деду. Почему? Отчасти, наверное, от того, что и дед тоже большой любовью в их семье не пользовался. Всю жизнь он выпивал, ухлестывал за бабушкиными подругами, сорил деньгами, строил глазки студенточкам, слушавшим его курс по истории искусств, одевался с иголки и умер, пережив бабушку почти на десять лет, во сне, легкой, светлой смертью – после воскресного обеда прилег отдохнуть и не проснулся.

К тому времени Дима уже почти три года жил сам по себе. Он ушел после чудовищного скандала с сестрой, поняв, что настала пора рассчитывать только на себя.

– Ты должен это перебороть и лечиться, – в запале кричала ему сестра, ставшая в миг отвратительной, злобной ведьмой. – Это позор для всех нас! Понимаешь, позор – ты, и твои бойфренды! Да как ты смеешь их домой приводить! После них квартиру дезинфицировать нужно!

– А еще лучше – сжечь, – ответил ей Дима. – Предать очистительному огню. Только беда, мы такие живучие, нас ничем не возьмешь. Разве что лазер попробовать.

Он устал от скандалов с сестрой, устал от второго мужа матери, подчеркнуто безразличного к младшему сыну супруги, устал от начавшей разъедать его недоброжелательности. «Бойфренды» – это был смешливый и забавный Рыжик, забежавший, действительно, раза три к Диме домой, ненадолго. Они потом даже не то, чтобы расстались, а словно отделились друг от друга в сложном танце мужских привязанностей и страстей.

Диме понравилось жить одному, встречаться, с кем он хочет, забегать после работы в магазин, с видом уставшего от деловой суеты взрослого человека покупать себе на ужин какой-нибудь замысловатый салат, возвращаться в субботу под утро с только что встреченным парнем и начинать целоваться на пороге, одной рукой закрывая за собой дверь. Это, как он думал, и была жизнь современного молодого гея, с хорошим образованием, более чем приличной зарплатой и очевидными карьерными перспективами.

А родной семьи не хватало.

Он старался не думать о символичности того, что умершие были для него ближе живых. Приезжал, когда получалось выкроить время, покупал печальные цветы, убеждался, что никого из родственников в поле зрения нет, и неторопливо

шел среди памятников, всякий раз удивляясь тому, как тихо и спокойно на Пятницком кладбище. Смерть здесь казалась полной одиночества, но не страшной.

Через участок от деда, по каким-то сложным соображениям похороненного именно здесь и разлученного с бабушкой, был простой, совсем новый памятник. Покоившийся там Виктор прожил всего двадцать пять лет. С овального фото на Диму смотрел грустный светлоглазый юноша. Самому Диме было двадцать восемь. Казалось невероятным, что он уже успел пережить других, например, этого печального соседа дедушки.

В ту среду Дима оказался на Пятницком случайно. У него накопились отгулы за работу в выходные, и начальник отдела дизайнера настоятельно посоветовал эти дни использовать, пока было можно – ходили слухи, что отгулы упразднят, раз они никому не нужны.

Неурочный посетитель был не только у деда. У Виктора тоже был гость – в первый раз, раньше Дима никого там не встречал.

Было начало сентября, утро. Пахло чуть слышно осенью, воздух был прозрачным и золотистым, хотя в небе мчались друг за дружкой тревожные сине-черные облака. Это был день для тихой грусти, печали, может быть, но не для глухих рыданий, а незнакомец у ограды рыдал, спрятав лицо в ладонях. Он был очень высоким и очень худым.

Брат, наверное, пронеслось в голове у Димы. Кто это еще мог быть?! Для отца Виктора мужчина был слишком молод.

-Да когда же это все пройдет, наконец, – вполголоса проговорил незнакомец. – Витя, когда же ты меня отпустишь, малыш. И к себе не берешь, и не оставляешь. Не могу больше.

Он вдруг почувствовал, что не один, и повернулся к Диме.

Дима никогда еще не видел таких лиц. Казалось, что бушующий в этом человеке внутренний огонь безжалостно выжигает все банальное, обычное, что раньше делало высокого парня «красивым». Теперь он не был «красив» в общепринятом смысле слова – щеки словно ввалились, от крыльев носа пролегли глубокие складки к уголкам рта, на лбу проступили морщины. Но его глаза были прекрасны – редкой синевы, холодные, манящие, как ледяная пропасть. Лепка скул, посадка головы, ощущение силы завораживали, лишали покоя, сулили...что? Темные страсти? Безумства? Нечто запретное?

Дима не сразу сообразил, что незнакомец к нему обращается. Потом вздрогнул и услышал глуховатый голос:

– У вас зажигалки не найдется? С вами все в порядке, эй, слышите меня?

Он кивнул и суетливо принялся хлопать себя по карманам, чувствуя, что ведет себя как бестолковый подросток, которым, оказывается, так и не перестал быть. А Диме казалось, что за три года вольной жизни он набрался серьезного опыта! Так как же этот парень одним махом разоружил его! Это все неестественная худоба и жуткие, затягивающие как два водоворота глаза, да еще оттеняющие их светлые, почти молочного цвета, коротко остриженные волосы.

Незнакомец взял зажигалку и с наслаждением закурил, с любопытством разглядывая Диму. Тот не придумал ничего лучше, как тоже достать сигарету.

– Кто у тебя здесь? – спросил парень. – Не видел тебя раньше. Дед, верно? Я, по-моему, тут уже всех наперечет знаю.

– Я вас тоже не видел, – почему-то сердито пробормотал Дима. – Да, дед. А у вас?

И сам ахнул от чудовищной бестактности вопроса – он знал, что парень приходил к Виктору, навсегда оставшемуся

двадцатипятилетним.

- Друг, – просто ответил парень.

Он улыбнулся. Это была такая чудесная, такая отчаянная, ласковая и безнадежная улыбка, что Дима сам чуть не разрыдался.

И в этот миг, словно по воле небес, вдруг припустил ливень. Незнакомец поднял лицо, ничуть не боясь уже по-осеннему холодных капель, и кивнул Диме:

– На машине? Подвезти?

Так началось их знакомство. Парня звали Петром, и он ездил на «Ауди», легко и уверенно управляясь с мощной машиной.

Было решено выпить кофе.

Диму не покидало ощущение, что Петр видит его насквозь – от беспощадных глаз невозможно было укрыться. Он не мог понять, сколько лет новому знакомому – он мог быть чуть старше, ему могло быть под сорок.

Когда они устроились в каком-то очень изысканном кафе в центре города, Петр внимательно посмотрел на Диму и совершенно спокойно, без малейшего волнения, четко выговорил:

– У меня ВИЧ. Я предупреждаю сразу, чтобы ты не терял время, если хочешь секса. Мне так проще, к тому же.

Дима судорожно вдохнул ставший вдруг горьким воздух. ВИЧ! Темная сторона вольной жизни гомосексуалов, то, о чем не говорят, призрак, всегда стоящий поблизости.

Петр с искренним любопытством наблюдал за новым знакомым. Его, казалось, забавляло, как стремительно тот побледнел. Потом он стянул через голову темно-синий свитер с глухим воротом, оставшись в футболке с короткими

рукавами. Сплел перед собой пальцы и чуть склонил голову набок, насмешливо глядя на Диму.

Тот не мог оторвать глаз от рук Петра. Под тронутой чуть золотистым искусственным загаром кожей отчетливо проступали беззащитные голубые вены. Казалось, что, если присмотреться очень внимательно, можно сам уловить ток крови. На мгновение у Димы мелькнула жуткая мысль, что парень напротив доживает последние дни, погибая от истощения.

– Ты еще здесь? – вежливо поинтересовался Петр. – Нравлюсь?

Дима стоял на самом краю пропасти. Беспощадная синева глаз напротив притягивала его, заставляя почти неуловимо продвигаться к пустоте.

Он балансировал на грани здравого смысла, а потом прыгнул, и его подхватил ледяной восходящий поток воздуха. Вместо камней внизу Дима взлетел вверх, в звенящее небо, тоже синее.

– Я здесь, – откликнулся Дима. Теперь он чувствовал себя бесконечно взрослым и очень уставшим. – Конечно, я здесь. Извини, что устался.

Дима никогда не думал, что вирус может быть у такого вот завораживающе интересного парня, на мощной машине, в дорогой одежде. Ему всегда казалось, что ВИЧ – удел маргиналов, с которыми ему и встретиться-то негде, потому что они живут в разных мирах.

Петр как ни в чем ни бывало отпил кофе. Закурил.

– Это... СПИД? – Дима непроизвольно понизил голос. Не знал он правил этикета, разъясняющих, как вести такой разговор с только что встреченным человеком.

Петр искренне расхохотался.

– СПИД! Чудик. Это побочные эффекты терапии. И все. – Внимательно взгляделся в Димино лицо и серьезно пояснил: – Я не умираю. Просто стараюсь не смотреть на себя в зеркала. Может, тебе коньяку заказать? Я по закону обязан говорить о ВИЧ сексуальным партнерам. Вот и сообщаю, чтобы они успевали вовремя ухаживать.

– Коньяку я бы выпил, – Диме стало полегче. – Ты... давно?

– Чуть больше трех лет, – Петр поднял руку, подзывая официанта. – Могу свитер надеть.

– Нет, не надо. Если тебе не холодно, конечно.

Его вдруг охватило дикое желание дотронуться до Петра. Провести кончиками пальцев по тончайшей коже. Тот с пугающим чутьем уловил это волну болезненной чувственности и скривился:

– Эй, ты же не из тех, кто охотится за вирусом? Я и таких встречал. Если да, то я сам ухожу. Не моя тема.

Дима покачал головой. Потом поднял глаза на этого необычного, хрупкого и дерзкого парня, умевшего привораживать взглядом:

– Нет. Расскажи что-нибудь. О чем-нибудь. Мы можем... просто дружить?

Петр расхохотался еще раз.

– Понятия не имею. Попробовать можно. Лучше ты расскажи. Почему ты едешь к деду?

...Они просидели в кофейне так долго, что там же и пообедали. Когда мужчины вышли на улицу, день был в самом разгаре – два часа дня.

– Я в офис, поработаю, – сказал Петр. – Подвезти тебя?

– Нет, я пройдусь, – ответил Дима. – Спасибо. Я тебе позвоню.

– Ну, конечно. – Петр тихонько смеялся про себя. Позвонит он!

В машине Петр закрыл лицо руками. Его судьба была решена. Все, что с ним происходило после гибели Вити, было расплатой, и расплачиваться должен был он один. Мальчик какой славный! Чистенький разумный красавчик с умными карими глазами. От номера его телефона следовало избавиться немедленно, чтобы не было соблазна позвонить самому.

Петр достал коммуникатор. Тот вдруг ожил и, засияв огнями, уведомил хозяина, что пришло сообщение.

«Я очень рад, что встретил тебя. Дима»

– О, ебать, что за романтика! – Петр с досадой ударил кулаком по рулю.

Потом всхлипнул. Улыбнулся. И, закусив губу, быстро набрал ответ:

«Я тоже рад».

В ответ ему пришел смайлик.

– На тебя-то я и подрочу, – проникновенно сказал Петр двоеточию, тире и скобке, изображавшим Димину улыбку. Потом он включил Гриндр.

-2-

После гибели Вити Петр и не собирался оставаться в живых долго. Он не покончил с собой сразу же лишь потому, что хотел измучить себя болью, дойти до самой последней черты, той, за которой жизнь уже невозможна.

Он не учел лишь одного – силы дружбы. Его провела через ночь Инга, подруга, возникшая, казалось, ниоткуда, лет пять назад. Ее воля заставила смерть отступить, а потом взял свое

инстинкт самосохранения, и Петр вернулся к жизни. Вернее, к некоему подобию жизни.

Инга была его ровесницей, замужем за англичанином, отпрыском аристократического семейства невысокого ранга, настолько обрусевшим, что он походил на пресловутого медведя больше любого русского.

Петр так и не смог понять, как Инга решилась остаться его другом, зная, что произошло на самом деле. Возможно, это и была абсолютная, безусловная любовь, та, которую невозможно заслужить, она ниспосылается в наш мир свыше?

Как бы то ни было, жизнь после жизни продолжилась. Душевная боль стала постоянной спутницей Петра, неотлучно следовавшей за ним, куда бы он ни отправился. Но, странным образом, когда стали очевидны первые побочные эффекты терапии против ВИЧ, Петр успокоился. Это и была расплата – остаться в живых, но неотвратно терять привлекательность.

Пока Петр выглядел только истощенным, и Инга настаивала, чтобы он обсудил лечение с врачом, сменил препараты, позаботился о себе.

– Детка, но я не хочу. Мне нравится становиться чудовищем, – ласково разъяснял ей Петр. – Я должен как-то расплачиваться за то, что сделал. Пусть будет так.

– Увезем тебя в замок Терренса, – говорила ему Инга. – У них настоящий древний замок.

– Они меня так и ждут, – нежно отвечал ей Петр. – Только педика с ВИЧ им и не хватало. Выглядывают в окошки – что-то Петя не едет?!

– О, я скажу, что ты мой брат, – совершенно серьезно отвечала та.

Петр был уверен, что она так и сделает, скажет, что они родственники, если потребуется. Эта женщина никогда

не сдавалась и не признавала самой концепции жизненного поражения. Пока билось сердце, нужно было идти вперед, даже если каждый шаг был полон боли.

Он редко общался с родными. Его мать, передавшая сыну колдовские синие глаза, была прелестной, тихой алкоголичкой, а отец – средней руки бизнесменом, жившим, как давно понял Петр, на две семьи. Иногда Петру хотелось разузнать, есть ли у него сводные братья или сестры.

Петр работал в маркетинговом агентстве. Талант позволял ему иногда вести себя, как вздумается, например, как в тот день, приезжать в офис к трем – он любил оставаться там по ночам, с горсткой таких же неприкаянных, никому не нужных душ.

Чтобы объяснить свою пугающую худобу коллегам, да и родным во время редких встреч, он придумал «редкое нарушение липидного обмена». Вообще-то, именно это с ним и происходило, его тело теряло жировую ткань именно там, где она была всего заметнее, обнажая вены на руках и ногах, постепенно придавая ему вид недоброго чернокнижника и колдуна. Посвященным его облик говорил о побочных эффектах терапии против ВИЧ. По великой иронии жизни, сама терапия была эффективной. Петр ощущал себя здоровым, насколько это вообще возможно для жителей мегаполисов. Он занимался в спортивном клубе и старался пару раз в неделю ходить на занятия по пилатесу, плавать в бассейне – раз уж он остался в живых, нужно было не раскисать.

Секс не стал проблемой, пока что. Петр все еще был хорош собой, ни вирус, ни возраст – под сорок, не укротили его притягательности ни для парней, ни для женщин, но теперь мрачное обаяние этого мужчины вызывало тревожное чувство, смутное ощущение несчастья. Однако были места, где царил темнота, или, по крайней мере, полумрак, и внешность не играла такой большой роли. Как Петр сказал как-то раз Инге: «На ощупь я все еще прекрасен».

Петру казалось, что только после диагноза он по-настоящему пустился в плавание по водам мужских страстей. Раньше, несмотря на безрассудства, он все-таки держался берега. Теперь ни суши, ни ориентиров не было. Из темноты появлялись пугавшие его, взрослого мужика, фигуры. Ему встречались совсем молоденькие парни, сознательно искавшие партнеров с ВИЧ, чтобы получить от них вирус. Они настаивали на опасном сексе, и Петра пробирала жуть. Хотели ли они отомстить жестокому миру, или совершить растянутое во времени самоубийство, или их ненависть к самим себе была так велика, что превращалась в саморазрушение?!

Но жить можно было, и неплохо, хотя в этом и не было смысла.

А смысла никогда и не было, наверное.

Петру нравилось быть гомосексуалом. Ему нравилась вольная жизнь, полная доступного секса, нравилось ощущать себя стоящим над послушной толпой ровесников-натуралов, проходящих через женитьбы, разводы, разделы имущества и, как дико это ни звучало, дележ детей. Он был сам по себе, покорный только своим желаниям. Петр не собирался обзаводиться семьей с парнем, он был одиночкой, волком без стаи, бунтарем по духу. Время от времени его приключения становились безрассудными – Петру были нужны ожоги опасного секса, чтобы почувствовать вкус к жизни. Он переступал запретную черту, рисковал, побеждая тем самым ненавистный ему здравый смысл.

И все же любовь достала и его. Появился Витя, и Петр присмирел настолько, что почти полгода, немислимый для него срок, хранил верность своему милому мальчику. Зависимость от парня намного моложе и пугала его, и умиляла.

Он не мог понять, чем светлоглазый паренек так зацепил его. Чем он отличался от сотен других, почему именно Витя стал так дорог?

Вообще-то, чуть ли не после первой встречи с Витей, Петр с удивлением понял, как мало хороших любовников было среди нескольких сотен парней, задержавшихся в его жизни кто на один раз, кто на два. Витин дар, тончайшая нервная чувствительность к партнеру, позволяла ему улавливать какие-то глубокие токи, легко читать невидимые другим знаки и откликаться на них. Близость становилась одухотворенной. Это был секс, из которого могла родиться, и родилась, очень скоро, любовь.

– Доказательство любви, единственное доказательство любви – верность, – мечтательно сказал Витя Петру в самом начале их романа, – понимаешь, я не хочу ни с кем делить любимого парня. Не хочу стоять в шеренге парней, не хочу быть одним из многих. Не хочу, не могу.

Он тогда легко рассмеялся.

– Думаешь, наверное, я ебанутый романтик. Нет, дело не в этом. Просто это не любовь, по-моему, если в твоей жизни толчется полдюжины парней, и ни с кем ты по-настоящему не близок. И он, мой парень, тоже станет для меня единственным. Станет всем, что мне нужно, а мне будет нужен весь он, целиком, без остатка, безраздельно.

И Витя добавил, уже без улыбки:

-Наверное, я все-таки ебанутый романтик.

В ту далекую ночь, одну из их первых проведенных вместе ночей, Петр впервые в жизни задумался о природе любви. Что, если Витя был прав? Да я и сам стою в ряду всегда доступных партнеров, понял Петр, да что там, в ряду – скажем честно, в толпе, уходящей за горизонт. Никто не важен мне, но ведь и я никому не важен. Мы все взаимозаменяемы; ни один, так другой, ни другой, так третий, всегда есть кто-то, готовый к сексу, а потом ты закрываешь дверь своей квартиры и остаешься наедине с собой, и никому нет до тебя ни малейшего дела, что ты был, что не был. Я не существую,

моего имени и то не запоминают, как я сам не запоминаю имен случайных парней. Мы все мечтаем украдкой о любви, но сами же не даем ей ни малейшего шанса, не позволяем чувству развиться, не тратим ни секунды, чтобы взглянуться в того, с кем только что были близки. Но это не близость, и не следование мужской природе, как мы пытаемся убедить сами себя – чаще всего это трусость, мы не хотим, чтобы нас видели слабыми, уязвимыми, мы не хотим раскрываться, обнажать наши раны, а это уже не мужественность, это бесхребетность, вечная гонка к финалу, который всегда один и тот же, потому что мы в тысячный раз сделали то же, что и всегда.

Это были невеселые мысли. Поступиться свободой было жутко, но в чем она заключалась, эта свобода?! Не жил ли и Петр в плену стереотипов, утверждавших, что гомосексуалы не способны на долгие, прочные связи, а их удел – непрекращающееся движение от партнера к партнеру? Что, если нужно было рискнуть и попробовать, испытать настоящую близость с другим парнем?!

Взволнованный Петр заговорил об этом с Ингой, единственным человеком, кому он доверял свои сокровенные мысли.

-Я полюбил, кажется, – сказал ей Петр, и на миг ее темные-темные, почти черные глаза, вспыхнули странным чувством, не тревогой, не ревностью, не любопытством – глубокой, нежной жалостью, словно ее причудливая любовь к другу приподняла перед ней завесу будущего, и она увидела там печаль и горе.

- Если так, то, значит, время пришло, – задумчиво ответила Инга.

В другом мире, в параллельной Вселенной они были бы прекрасной, яркой парой – светловолосый синеглазый мужчина и мрачная кареглазая женщина, с холодным, рассеянным взглядом.

– А ты любишь Терри? – спросил Петр. На миг у него мелькнула мысль, что Инга запустит в него хотя бы кусочком сахара – они сидели в кафе.

Но нет, его подруга едва заметно улыбнулась.

– Он мой лучший друг и единственный мужчина, с которым я могу жить изо дня в день, – сказала она. – Но нет, это не любовь. Не та, во всяком случае, о которой говоришь ты.

Она с насмешливым вызовом посмотрела на синеглазого красавца напротив. А вот посмотрим, хватит ли у тебя пороху спросить у меня вот так, в лицо, люблю ли я тебя, говорил ее взгляд.

Чертовка, с нежностью подумал Петр. Настоящая чертовка.

– А меня ты любишь? – вот, девочка, и что ты ответишь?

– О, конечно, я люблю тебя. Нежной, безгрешной, дружеской любовью, – пропела эта непостижимая женщина.

Они рассмеялись, но Петр почувствовал, что слегка покраснел. Потом он увидел, что Инга как ни в чем ни бывало осторожно собирает ложечкой молочную пенку с кофе, это была ее всегдашняя привычка, и успокоился. Хотя бы здесь трагедий не предвиделось.

– Только не обещай мальчику того, что ты не сможешь сделать, – тихо сказала Инга. – Не обещай невозможного. Не говори о верности, пока не поймешь, что сможешь быть верным – и долго, не неделю и не месяц. Не спеши. Если это действительно любовь, она не пройдет так скоро.

Но Петр не послушал ее. Он знал, что она права, что волком он родился, волком и останется, но ему самому вдруг стало важно, чтобы Витя был близок только с ним. Он был его мальчиком, собственностью, игрушкой – только его.

Поспешные клятвы верности были принесены,

предосторожности отброшены. Витя перебрался к Петру, и началась та самая семейная жизнь, над которой еще недавно посмеивался Петр. Он долго не мог привыкнуть спать вдвоем, да еще в объятиях горячего, в буквальном смысле слова, молодого парня. В чуть душной ночной темноте от малейшего движения поднимались волны желания, которому было невозможно, да и не нужно, противостоять. Днем звенело в голове, клонило в сон, но усталость проходила, стоило им с Витей потянуться друг к другу.

Впервые в жизни Петр переживал чувство нежного, ноющего не-одиночества. Конечно, увлечения случались у него и раньше; он называл те легкие, поверхностные связи «секс с проживанием». Как только первый накал страстей спадал, мужчины расходились, без глубоких обид и тяжелых сцен. Прежде всегда было ясно, что ни о чем серьезном речь не шла. Во всяком случае, так думал Петр.

Но с Витей жизнь складывалась совсем по другому. Нерастраченная теплота, обитавшая, как оказалось, в сердце Петра, теперь изливалась на его друга. Витю хотелось ласкать, целовать, баловать, хотелось знать о нем все, хотелось понять, откуда у молодого парня не по возрасту печальные мысли, и почему он только что улыбнулся.

А потом, полгода спустя, Петр понял, разом, что ему скучно. Он не разлюбил Витю, об этом не было и речи – напротив, он не мог представить себе жизни без него. Просто близость приелась. Все, что можно было испробовать, было испробовано. Ощущение новизны прошло, наступала повседневность.

Волк внутри Петра не исчез. Он дремал, убаюканный лаской и теплом домашнего очага, но оставался волком, и его природа хищника взяла, все-таки, свое. Были недолгие колебания, а потом Петр вошел в квартиру, где его ждал новый знакомый, и волк вырвался на волю.

– Не чувствую я никаких угрызений совести, – говорил Петр Инге. – Я не могу быть только с ним одним. И, вообще,

понимаешь, так странно, я ценю Витю еще больше – понимаю, какое это счастье, что у меня есть он, что мы вместе. Мне нужен секс, просто секс, всегда новый.

– Будь осторожен, – невесело откликнулась Инга. – Это звучит дико банально, но любовь предполагает некоторую ответственность.

Петр показал ей язык. Он знал, что вел себя как подонок, что подставлял любящего его парня под удар, что дорогой мотоцикл в подарок Вите, выросшему в небогатой семье – жалкая попытка загладить вину. Можно было поговорить с Витей, попытаться растолковать, как не хватает ему, Петру, вольной жизни холостых лет, предложить отправиться на поиски приключений вдвоем, найти еще одну пару для разнообразия, да что угодно, но Петр не хотел, и не собирался, делить Витю хоть с кем-нибудь, хоть ненадолго. Мальчик был прав – Петр любил его, и любимый должен был принадлежать ему безраздельно.

Он еще держался, балансировал на грани, отделявшей его новую жизнь с Витей от прежней, где секс часто означал опасность. Петру все больше не хватало азарта, он истосковался по дикой пульсации крови в теле, означавшей одно – он рискует, и риск возносит его до небес.

Этот голод и привел его на вечеринку таких же, как он, искателей острых ощущений, бросавших вызов благоразумию.

Через три месяца ему позвонил бывший там же знакомый и помертвевшим голосом произнес страшное слово «ВИЧ». Еще можно было надеяться, еще можно было убеждать себя, что вирус милосердно выбрал не его, можно было откладывать сдачу анализов на неделю, на день, а потом помедлить, не решаясь взглянуть на результат, но все это уже не имело значения. Потому что результат все равно был положительным, и затянувшаяся юность с ее нелепой верой в бессмертие и собственную неуязвимость закончилась.

– Тебе нужно провериться на ВИЧ, – так теперь сообщают обманутому любовнику о своей неверности, и так, после тягостных попыток выстроить в уме разговор, сказал Вите Петр. – Я тебя люблю, клянусь, люблю тебя, я могу жить только с тобой, я просто не могу быть только с тобой. Пойми это, и прими. Проверься, и давай жить дальше, чтобы с нами не происходило. Мы справимся. Мы выстоим, вдвоем.

У него в памяти всплыли жестокие слова Инги: «Он мой лучший друг, но это не любовь».

Позже Петр понял, что Витя умер, когда услышал его признание. Вите еще оставалось крикнуть: «Ненавижу тебя, ты предавал меня каждый день, каждый час, каждую минуту, лгал мне в лицо, ты поругал мою любовь, втоптал ее в грязь. Ты убил меня!», ему еще оставалось выбежать из квартиры, сесть на руль спортивного мотоцикла и врезаться на полной скорости, кварталом дальше от их дома, в грузовик с железобетонными блоками для какой-то стройки неподалеку.

А Петру еще оставалось, выйдя покурить на балкон, услышать вдалеке тревожные переливы «скорой», броситься вниз по лестнице, промчаться по оживленным в вечерний час улицам и увидеть в дрожащем свете фонарей и машин гротескно изломанное тело, еще минуты назад бывшее живым, теплым, любящим парнем, которого предал любимый человек.

Петру еще оставалось рухнуть на колени и завывать.

Темнота, боль, холод и одиночество пришли мигом позже.

-3-

Если я его сегодня же не поцелую, сойду с ума, решил Дима.

Они с Петром сидели в кино. Начинался октябрь. За прошедшие со дня их встречи четыре с небольшим недели

(Дима знал совершенно точно, сколько недель, дней, часов и минут прошло с того момента, потому что время стало вдруг чрезвычайно важно, но вело себя непозволительно, то несло на всех парах, то еле-еле ковыляло) они виделись четыре раза. Сегодня был пятый. Дима прекрасно помнил, что три раза они встречались днем, чтобы вместе пообедать, и один – вечером, за бокалом вина в маленьком винном погребе для ценителей. Если это и была дружба, то она не нравилась Диме, потому что он сгорал от желания близости с этим парнем.

Петр тоже горел, но не от любовной лихорадки. Он то ли простыл, то ли подхватил грипп, и его знобило со вчерашнего вечера. Оставаться дома не хотелось. Петр выпил всевозможные лекарства, надеясь, что они не вступят в неуправляемую реакцию с его препаратами от ВИЧ, принял душ, побрился, не всматриваясь в свое отражение, и отправился на свидание.

Да, это было свидание, во всяком случае, для Димы, который, с нежной усмешкой подумал Петр, еще немного, и принялся бы от волнения скакать вокруг него с воздушными шарами в руке.

– Нужно взять какую-нибудь шуршащую еду, – растолковывал Петр Диме, пока они стояли в субботней очереди в кассы. – Начос, или попкорн, и громко есть во время сеанса. А главное – шуршать в самые страшные моменты.

Какие-то девушки сзади них не выдержали и прыснули со смеху. Петр повернулся к ним и любезно улыбнулся. Девушки смутились и сделали вид, что проверяют сообщения на мобильных.

Петр не мог решить, нужен ли ему Дима. То, что осталось от его сердца, чуть слышно ныло от этой немного щенячьей влюбленности красивого молодого парня, но невозможно было понять, не коренится ли это сладко-горькое чувство в прошлом, в воспоминаниях о Вите. С гибели Вити постоянных парней у Петра не было.

– Я живу так, как будто умер, – проговорился он Диме, когда они пили терпкое ледяное вино и балансировали на самой грани подлинной откровенности, ведя разговор о сиюминутных вещах, чтобы еще немного оттянуть тот миг, когда им придется открыться друг другу. Но славный мальчик, конечно же, решил, что это относится к вирусу. В его мире, должно быть, не случалось трагедий, один парень не изменял другому, подхватывая попутно ВИЧ, измены заканчивались расставанием, а не смертью. Так как же его угораздило влюбиться в Петра?

Так как же меня угораздило в тебя влюбиться? Этот вопрос Дима мысленно все время задавал Петру. Почему это ты? Как вышло, что я ухнул в пропасть твоих недобрых глаз? Для чего нужно, чтобы я терял рассудок всякий раз, когда ты обращаешься ко мне? Кто дал тебе такую власть надо мной? И почему, скажи мне, почему ты с вирусом, неужели ты не мог остаться здоровым, разве мы не могли бы быть беспечными, радостными влюбленными, которым дела нет до темных глубин мужской любви?!

Вечерами он читал все, что только можно, о ВИЧ. Дима понимал, что у него, в общем-то, нет выбора – его новая, тревожная любовь была такой силы, что речи о благоразумном прощании и идти не могло. Вопрос был в другом – сколько времени им было отпущено? Мог ли Дима позволить себе роскошь не торопиться с признаниями, или ему нужно было спешить, убеждать Петра в любви, чтобы пробыть с ним как можно дольше?! Что, если Петр посмеется над ним и отправит прочь?!

Когда они встречались, Дима не мог оторвать глаз от Петра. Его худоба больше не пугала, но беспощадные глаза все так же затягивали в синие вихри сложных, болезненных страстей, раньше Диме неведомых. Временами Петр напоминал ему гордую одинокую птицу с перебитым крылом. Впервые в жизни Диме хотелось заботиться о другом человеке. Он вырослел с каждым днем, проникаясь горькой любовью.

Дима знал, что тот Виктор, друг Петра, трагически погиб, но ни за что не стал бы спрашивать, от чего. А Петр не рассказывал. Не хотел, наверное, беречь только начавшие затягиваться раны?

В один из вечеров дома Дима одиноко пил вино, слушая тихий, светлый джаз.

Как они стали бы жить вместе, сколько ограничений было бы в их близости, когда они устали бы от вечных предосторожностей?!

Что, если Петру станет хуже? Если его лекарства перестанут действовать? Что будет тогда?

Но мы смертны, осознал Дима. Мы все уйдем, и никто не знает, ни когда, ни куда мы отправимся. У молодого мужчины сжалось сердце. Всем влюбленным рано или поздно суждено расстаться, потому что закончатся их жизни. Это неизбежно. Мы хрупки, уязвимы, мимолетны. Но пока мы живы, мы любим. Он закрыл лицо руками. Нет, не так. Пока мы любим, мы живы, и может быть, только может быть, истинная любовь уходит с нами в неизвестность смерти.

Если он позволит, я буду с ним. Дима поднялся с ковра и подошел к окну. В октябрьском небе поднялась зарождающаяся Луна. Я буду с ним, пока я жив. Дима закрыл глаза. Пожалуйста, пусть Петр позволит мне любить себя. Пожалуйста. Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы он стал счастливым.

Сейчас, под оглушительные взрывы на экране, Дима протянул в темноте руку и дотронулся до пальцев Петра. Они были огненными. Дима едва слышно ахнул.

– Это простуда, – прошептал, наклонившись, ему на ухо Петр. – Не волнуйся. Это не заразно. Мне легче... среди людей.

Он не одернул руку, и Дима чуть не заплакал от счастья. Совсем ебнулся, сердито подумал он про себя самого. Осталось

только пролить слезу во время секса, и привет.

Когда они вышли на улицу, Петру вдруг стало страшно. Одинокая ночь в ознобе пугала его. Можно было позвонить Инге, и она приехала бы, оставив любые дела, бросив Терри, как делала уже не раз, чтобы охранять друга от мучительных кошмаров и тягостных мыслей. Но рядом был Дима, и Дима был в него влюблен, и мучительная жизнь упорно продолжалась, и хотелось не стремительного секса, а человеческого тепла. Это, наверное, тоже побочные эффекты терапии, подумал Петр, когда вдруг понимаешь, что хочешь нежности и щенячьей преданности. Не смотря ни на что. Вопреки всему, что случилось. Просто отогреться, хотя бы на чуть-чуть.

- Слушай, я фигово себя чувствую, - сказал Петр, - но это ненадолго. Мне нужно просто прилечь. Поехали ко мне, хочешь? Поболтаем.

На Димином лице проступила такая радость, что Петру сразу же стало легче. И жар вроде бы угасал.

- Давай заедем, купим тебе чего-нибудь полезного, - предложил Дима. - Я, вообще-то, хорошо готовлю.

- А на швейной машинке ты шить умеешь? - ласково поддел его Петр. Он был за рулем и вел очень осторожно, прислушиваясь к себе, чтобы, в случае чего, успеть затормозить. Но голова не кружилась.

- Только на ручной, - с готовностью откликнулся Дима. - Ножную пока не освоил.

Они посмеялись. В супермаркете Петр с удивлением наблюдал, как толково Дима делал покупки. Хоть женись на нем, подумал он. Парень-то хоть куда. Ему бы ровесника, такого же, как он, симпатягу, верящего в жизнь, доброту, любовь. А он со мной. Вот ведь как получилось.

Дома Петр сразу же отправился к низкому дивану в большой комнате.

– Кухня вот там, – показал он Диме. – Хозяйничай. Осматривайся. Дай мне минут десять, и буду как новенький.

Он лег и свернулся в клубок. Я не предаю тебя еще раз, говорил Петр призраку Вити, опустившемуся рядом с ним на тот же самый диван, где они так много раз занимались любовью. Мальчик мой, я не предаю тебя вновь и вновь. Теперь ты знаешь, что я обречен любить только тебя. Но так вышло, что я все еще жив, и мне нужно немного человеческого тепла, немного близости. Витя, малыш, пойми, я никогда уже не стану так счастлив, как был с тобой. Возможны только отголоски той любви, только слабые отблески нашего огня. Прости меня, прости меня, прости. Петр плакал в милосердной темноте. Витя, казалось, был совсем рядом, близко, до него просто нельзя было дотронуться, и от невозможности обнять его, прижать к груди, зарыться лицом в волосы разрывалось сердце.

На кухне просвистел чайник, в ванной пошумела вода.

В темную комнату вошел Дима, устроился рядом и обнял Петра со спины. Дима не ожидал, что изможденное на вид тело окажется сильным и гибким. Он осторожно погладил Петра по груди, потом – по плоскому животу. Вдохнул запах его тела, странно нежный. Провел кончиками пальцев по щеке. Она была влажной. Слезы? Что происходило? Весь Димин опыт улетучился. Нужно было быть очень, очень осторожным, чтобы не вспугнуть этого изломанного человека, не оттолкнуть его.

– Давай уже, – пробормотал Петр. В его голосе слышалась улыбка, слезы прошли, унеся боль. Он легко шмыгнул носом. Что-то тяжелое отпустило, разгоралось желание. – Никаких сюрпризов тебя не ожидает.

От Петра исходил легкий жар. Я извращенец, по-моему,

пронеслось в голове у Димы. Меня заводит, что у него температура. Или я извращенец, или я его действительно люблю.

Эта прозвучавшая в голове фраза, само слово «любовь», пробили Димино тело быстрой судорогой. Так и было, он ласкал горячее, сухое тело любимого парня. Любимого. Наверное, именно поэтому хотелось все время его целовать.

Петр тихонько рассмеялся и запустил руку за спину.

– Шериф, это у вас пистолет такой большой?

Дима прыснул, быстро развернул Петра лицом к себе и выдохнул:

– Давай, пусть все будет. Хочу тебя. Где свет зажигается?

Петр замер. Дима быстро погладил его по лбу:

– Мне нужно видеть твои глаза. Пожалуйста. Я люблю тебя.

Петр приподнялся на локте и зажег маленькую лампу, стоявшую на полу. Потом достал из-под кровати презервативы. Проза секса. Резина, смазка. Он стянул футболку. У Димы все еще был шанс уйти. Он все еще мог прозреть и увидеть, что делил ночь с предателем и убийцей.

А мигом позже в дело вступила великая телесная магия, и доводы рассудка растаяли в мягком теплом воздухе.

...Я буду должен сказать ему утром, говорил себе в полудреме Петр. Сказать, как все было. Пусть эта ночь не кончается. Он разлюбит меня, когда узнает. Если бы можно было умереть сейчас, вот так, когда он близко. Уйти, пока я счастлив этим убогим, жалким, фальшивым счастьем.

Петр погладил Диму по плечу, а потом, внезапно вспомнив нечто важное, прошептал:

– Эй, утром не бери мою бритву, если раньше встанешь,

слышишь? На всякий случай. Привыкай сразу к порядку. Проснусь, дам тебе новое лезвие. Не охота сейчас суетиться.

Вместо ответа Дима поцеловал его руку. В памяти Петра на миг возникли строки, когда-то написанные им самим в период неизбежного юношеского творчества:

Oh ever so gently I set you floating
Amidst harsh cries and softer moans
You spiral slowly towards the nothingness
Of love entirely fulfilled

Так бесконечно нежно
Я отправляю тебя в плавание
Среди хриплых криков и нежных стонов,
Без спешки, по спирали, в Ничто свершившейся любви

Ничто свершившейся любви...

Потом Петр провалился в сон и вынырнул из глубокого, целебного забытья только утром. Пахло горячим хлебом. Это означало, что Дима хозяйничал на кухне.

Петр потянулся.

Признание было бы безумием. Ночь прошла, и обжигающая близость обернулась холодным, ясным пониманием самого себя.

В откровениях не было ни малейшего смысла.

Если им с Димой удастся в ближайшие пару-тройку недель

не затоптать слабый, хрупкий росток чувства, очень похожего на любовь, для признаний будет достаточно времени и позже, если они будут нужны. Если жизнь разведет их – что толку открывать сердце парню, который станет еще одним воспоминанием?!

Но самая глубокая истина была в другом.

С гибелью Вити их связь не распалась, вот в чем было дело. Они с Петром все еще любили друг друга, они все еще были парой, только вот в живых остался лишь один из них. Витя и был тем единственным, кого было суждено любить Петру, и все хорошее, чтобы было в нем, принадлежало только Вите. Смерть была не в силах разлучить их. Она не имела значения.

Дима, ласковый, заботливый, был третьим. Он еще не понимал этого, оглушенный опасной любовью, ошеломленный сложным переплетением желания, нежности, тревоги, но он с самого начала был обречен делить Петра с Витей. Да, тот мальчик добился своего, жуткой ценой – он ушел, чтобы навсегда остаться со своим пустым, неверным, капризным божеством. Он победил, принеся себя в жертву, потому что теперь Петр принадлежал ему, как Витя и хотел, безраздельно, и никто из живых не мог забрать у него Петра, бессильный перед черным колдовством любви к умершему.

Эту тайну Петр мог разделить только с Ингой. Она одна понимала его, потому что и сама была отравлена ядом недоверия к жизни. Они были двумя изгоями, лишенными способности отдаваться в самом высшем смысле этого слова, и именно поэтому их дружеская любовь была прочнее самой страстной романтической связи – они знали друг друга, как их никогда не узнал бы никто другой.

Петр встал. Жар окончательно спал, и он был здоров. Лекарства, действительно, работали, и от простуды не осталось и следа. Впереди были годы существования. Десятилетия, вполне возможно.

Он подаст мне стакан воды, тихо сказал себе Петр. Дима – тот, кто подаст мне стакан воды. С ним можно жить, путешествовать, ходить в гости, болтать, целоваться – коротать время до встречи с Витей в зыбком потустороннем мире, где можно будет рухнуть к ногам любимого и вымолить прощение.

Он вошел на кухню. Дима мгновенно вскочил ему навстречу. Он казался очень юным, хрупким, влюбленным. Было видно, что он дико взволнован.

Петр улыбнулся.

– Привет. Это что, тосты?

Они обнялись. На Диминой щеке был свежий порез от бритвы. Петр инстинктивно замер – если только Дима не носил свою собственную бритву в кармане, то использовал ту, что в ванной, вряд ли разыскав свежее лезвие. Это всегда их выбор, словно услышал он голос своей верной подруги. Петя, это всегда их выбор. Она, как всегда, была права, беспощадная в любви к другу, готовая разрушить кого угодно, что угодно, лишь бы он бы счастлив.

В глазах Димы был отчаянный вызов. Петр ласково погладил его по спине. Хороший мальчик. На утреннем свету было видно, что у Димы на ушах растет забавная шерстка, крошечные светлые волоски. Обезьянка, подумал Петр. Моя любимая ручная обезьянка.

Они поцеловались, а потом Петр немного отстранился и сказал, с улыбкой глядя на бледного от волнения молодого мужчину с подрагивающим, против воли, уголком правого глаза:

– Знаешь, мне пришла в голову замечательная идея. Давай поженимся. В смысле, будь моим мужем. Я тебя люблю. Перебирайся ко мне.

Надо будет позвонить Инге, мелькнуло у Петра в голове, пока Дима почему-то плакал, уткнувшись лицом ему в плечо. Надо будет позвонить сегодня же. Девочка будет рада ненадолго сбить меня с рук и немного передохнуть, раз уж у меня завелся Дима.

СТОКРИНОВЫЕ СНЫ

Я оказался в Замке после первой недели приема Стокрина.

Сначала я прошел через Туман. Я называю его Туманом, потому что не знаю, как еще описать это явление.

Я лег спать, закрыл глаза и очутился перед перламутрово-розовым, переливающимся потоком, струившимся с невидимого мне неба и уходящим в бесконечность под моими ногами. Я стоял, точнее сказать, парил в воздухе без малейшей опоры.

Мне нужно было войти в поток.

Я сделал шаг, помедлил, а потом шагнул вперед, ожидая оказаться под мощными струями воды, как если бы вошел в водопад.

Но меня поглотил туман.

Не было ни неба, ни тверди, ни времени, ни пространства.

Тем не менее, я знал, куда мне нужно было двигаться.

Я уверенно скользил вперед в точно известном мне направлении и увидел Замок. У меня не было ощущения времени. Могла пройти минута, или промелькнуть вечность.

Туман рассеялся.

Передо мной возникло грандиозное сооружение, прообраз всех земных замков – исполинские башни уходили в бесконечно-синее небо, и, казалось, касались там трех маленьких лун.

У стен Замка мерцало маленькое озеро, и на берегу спиной ко мне сидел Он.

Я подошел к нему и опустился рядом.

Вода в озере все время меняла цвет, и мы молча созерцали игру красок.

Иногда я слышал далекий звук японской флейты.

Потом я повернулся к Нему.

Он был юношей, стройным и гибким, с чудесной кожей оттенка светлого меда и вьющимися золотисто-рыжими волосами. У его изумрудных глаз не было зрачков. Он был в набедренной повязке.

Юноша тоже повернулся ко мне и улыбнулся.

Звонок будильника.

Мне нужно было вставать и начинать день.

Тогда мне казалось, что я учился заново ходить. Диагноз вышиб меня из привычной реальности, и я забыл, как делать самые простые вещи. Например, смеяться, или строить планы на выходные, или мечтать о любви.

Со мной не произошло ничего ужасающего.

Я просто был гомосексуалом, просто влюбился в парня и просто поверил ему, когда он сказал мне, что недавно проверялся на ВИЧ, здоров и не будет встречаться ни с кем, кроме меня.

Может быть, он и сам верил в то, что говорил.

Может быть, он мимолетно изменил мне с кем-то, тоже верившим своим словам.

Может быть, я послал куда подальше здравый смысл, когда приходил в себя после необъяснимого разрыва с тем парнем.

Может быть. Может быть. Может быть.

Кто знает? Какая разница? Кому какое дело?

Прошлое больше не имело значения. Будущего не было. Я мог выжить, только оставаясь в рамках одного-единственного дня, не оглядываясь назад, не заглядывая вперед. Я мог выжить, только отбросив надежду на любовь.

Странный сон не отпускал меня весь тот день.

Я приехал в издательство, включил компьютер, занялся работой, но в моих ушах еще отдавался звук флейты. Где же я побывал?

Я знал, конечно же, что у Стокрина есть уникальные побочные эффекты. Тем не менее, я думал, что если они и возникнут у меня, то будут кошмарными снами – к этому я и готовился. Но то, что я оказался в призрачном, тревожном и прекрасном месте, было неожиданностью.

Второй раз я пришел к Замку через день.

Он также ждал меня на берегу озера. Я обратил внимание, что в этом призрачном мире не было ни деревьев, ни кустарников, но то здесь, то там в мягкой сине-зеленой траве

нежно мерцали цветы. В первый раз я их не заметил.

Я снова сел рядом с Ним. От воды, на моих глазах из ультрамариновой ставшей изумрудной, веяло прохладой.

Сон был потрясающе правдоподобен.

В это раз Он был в шортах. От Него нежно пахло то ли душистой травой, то ли свежей листвой. Он был совершенен.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Юноша улыбнулся.

– Мое настоящее имя очень сложно передать на земных языках, – мягко ответил Он. – Какое имя тебе нравится? Или сделаем так – кто тебе сейчас нужен? Любовник, друг, защитник?

– Защитник, – ответил я, поражаясь реальности разговора.

– Тогда я буду Алексеем, – сказал Он. – Или Алексом.

– Женя, – представился я. – Евгений.

– От кого тебе нужна защита? – Алекс смотрел на меня бездонными зелеными глазами, в самой глубине которых разгоралось изумрудное пламя. – Кто представляет для тебя опасность?

– Я сам, – ответил я и поразился своим словам. Такое можно было сказать только во сне. Иначе я ответил бы: «вирус» или «ВИЧ-инфекция».

– Почему? – спросил юноша. Его глаза не отпускали меня.

– Потому что я боюсь любви. Я могу выжить, только если стану жестоким. Мир жесток.

Он протянул руку и дотронулся теплыми пальцами до моего лба.

– Бедный потерянный мальчик, – с глубокой, искренней печалью пропел он. – Клади голову мне на колени. Тебе нужно отдохнуть.

Я вытянулся на траве и опустил голову ему на колени, как он и просил.

Алекс положил мне на лоб ладонь и тихо запел песенку на языке таком мелодичном, что он показался мне не земным, а рожденным в другом, милосердном и гармоничном мире.

Я уснул во сне и очнулся за несколько минут до звонка будильника.

Ничего себе, побочные эффекты!

– Понимаешь, мы так всего много видим, когда бодрствуем, – растолковывал мне сведущий в таких вопросах коллега, которого я спросил о происхождении необычно ярких образов в снах, не упоминая, конечно же, что принимал лекарство с побочными эффектами и опустив фигуру Алекса, – что из фрагментов нашей реальности сознание может сконструировать что угодно. Фильмы, телепередачи, фотографии, тысячи образов. Сам подумай!

Да. Конечно же, я мог бы объяснить происхождение Замка, причудливую игру цветов вокруг него, мог бы найти объяснение прекрасному юноше. Но эти сны что-то меняли во мне, что-то очень, очень глубокое.

Когда я увидел Алекса в третий раз, он поднялся мне навстречу.

– Женя, я покажу тебе Замок, – сказал он. – Пойдем.

Он взял меня за руку, и мы направились к громаде Замка.

В этот раз в мире моих снов появился нежный ветерок. Были и другие перемены – у крепостных стен появились кусты, усыпанные крошечными белыми цветами, от которых

исходил нежный, сладкий аромат. Лун в небе по-прежнему был три, но появилось Солнце. Мой призрачный друг был в новом костюме – изумрудных шароварах и легкой белой рубашке, свободно распахнутой на груди. Мы оба были босы.

Когда мы подошли к колоссальным воротам, створки медленно распахнулись, и перед нами открылся огромный внутренний двор, выложенный разноцветными каменными плитами. Мы прошли через него и вступили в зал, такой огромный, что я с трудом видел противоположную стену.

– Это Мираблис, – гордо сказал Алекс. – В Мираблис может попасть только тот, кого привожу я сам.

– Но здесь можно потеряться! – вскричал я.

– О, нет, никогда, – мелодично рассмеялся мой друг. – В Замке, чтобы куда-то попасть, тебе нужно решить, в какой комнате ты хочешь оказаться. Тогда Замок сам откроет перед тобой нужные двери. Я создал его так, чтобы заблудиться было невозможно.

Он положил руку мне на плечо.

– Где бы ты хотел сейчас очутиться?

– В бассейне, – улыбнулся я. – Я давно не плавал.

Справа от нас тут же распахнулась высокая дверь, сплошь покрытая затейливой резьбой.

Мы вошли внутрь и очутились перед огромным бассейном с кристально-чистой голубой водой. У кромки воды стояли две низкие кушетки, очень удобные даже на вид, и столик с кувшином какого-то напитка медового цвета и двумя бокалами. Стены этого зала были сплошь расписаны причудливыми изображениями, совершенно для меня незнакомыми. Я не мог понять, видел ли на них животных, или обитателей неведомых мне морей, или мыслящих существ или растения. Тем не менее, я чувствовал

гармонию и покой.

Мой друг легко снял рубашку. У него было прекрасное, совершенное тело. Казалось, Алекс, грациозный и сильный, послужил моделью всем скульпторам моего мира, ваявшим грациозных и в то же время сильных юношей.

Я сообразил, что раздеться предстоит и мне. Тут я впервые понял, что в моих снах я всегда в джинсах и свитере. Теперь мне предстояло разоблачиться перед этим воплощением расцветающей мужской красоты. Я постарался проснуться, но не смог. Мне стало стыдно за свое порядком отощавшее тело. Почему я перестал заниматься в спортивном зале?!

Алекс сбросил шаровары. Я непроизвольно взглянул на него ниже пояса. Был ли он порождением моего сознания, раскрепощенного Стокрином, или действительно существовал в этой причудливой реальности, но мужской силы ему было не занимать.

Я суетливо разделся и вошел в воду. Меня охватило блаженство, и, забыв о своих переживаниях, я поплыл, наслаждаясь каждым движением.

Мы вволю наплавались, а затем я выбрался из воды и рухнул на кушетку, чувствуя, как стремительно бьется мое сердце.

Алекс присел рядом со мной, поднес к моим губам бокал с медовой водой, дал мне напиться, а потом лег рядом со мной. Я обнял его.

И тут я вспомнил про ВИЧ. Вот так, во сне, поглаживая по спине свою прекрасную фантазию, чувствуя, как мы оба готовимся к ласкам, я вспомнил про ВИЧ.

– У меня ВИЧ, – глухо сказал я.

Мой сон должен был рассеяться, а я – очнуться дома, в одинокой холодной постели.

– Я знаю, – ответил Алекс. – Что ты сейчас чувствуешь?

– Стыд, – ответил я. – Злость на самого себя. Отвращение.

– Но почему?!

– Потому что я ничтожество. Изгой. Выродок. Ошибка природы. А ВИЧ – наказание за мои грехи.

Алекс приподнялся на локте. Его глаза на миг стали синими, потом в них запыхало зеленое пламя. Он нежно погладил меня по груди.

– Твои слова – не твои. Ты повторяешь их за теми, кто не верит в мудрость и величие Того, Кто Нас Создал. Ты, как и я – Его творения. Мы нужны Ему, потому что так Творец познает себя. Слышишь? Ты прекрасен. Здесь, в Мираблисе, не действуют законы того, что вы на земле называете кармой. Ты очищаешься от нее, проходя через Туман. Я в безопасности, не волнуйся.

Мы поцеловались.

– Это так делается? – спросил Алекс. – Я был во множестве вселенных и миров, но с земным мужчиной в первый раз.

– Да, так, – ответил я. – Главное, не останавливайся. Если что, я тебе подскажу по ходу дела.

Алекс прильнул ко мне, меня подхватил вихрь яркого цвета, и я вновь очнулся дома, незадолго до трелей будильника. У меня было полное ощущение, что я только что занимался сексом, и долго. По телу еще пробежал легкий ток наслаждения. Я немного понежился под одеялом. Что за странное лекарство!

С той ночи я приходил в Замок каждый день.

Меня все больше захватывал призрачный мир, где не было ни боли, ни стыда, ни болезней.

Я бродил по Замку, с готовностью открывавшему передо

мною двери то в великолепную благоухающую оранжерею, то в библиотеку, где вместе с книгами и свитками на языках таким странных, что начинала кружиться голова, хранились кристаллы и необъяснимые для меня устройства с информацией, то на кухню, где меня всегда ждало именно то, чем я хотел подкрепиться.

Алекс не всегда был со мной всю ночь, но мы неизменно завершали мое пребывание близостью. Он оказался талантливым учеником – его мягко светящееся медовое тело не знало ни усталости, ни напряжения, и мы не торопясь испробовали все, что я когда-то хотел осуществить с партнером.

Иногда мы разговаривали.

– Я – Страж, или, можно сказать, Воин Равновесия, – мечтательно рассказывал мой друг, вытянувшись на травке у озера. – Понимаешь, чтобы замыслы Творца осуществлялись именно так, как были задуманы, нужно равновесие между Добром и Злом. Иначе Ось Творения отклоняется, Нити Замыслов путаются, Время, там, где оно есть, бежит вспять, а Пространство закручивается вихрями. Так уж устроено.

– Тогда я подлежу уничтожению, – заметил я. – Гомосексуал с ВИЧ – явно не порождение света.

– Кто тебе это сказал? – спросил Алекс.

– В моем мире так думают многие, – с горечью ответил я. – Трудно в это не поверить, когда со всех сторон слышишь, что ты – зло. Или что ты болен, и тебя нужно лечить.

– Ты живешь в жестоком мире, – с глубокой печалью проговорил Алекс. – Не ты болен, а твой мир.

Мы помолчали.

– А как же дети? – спросил мой друг. – Я знаю, что и у детей в твоём мире бывает ВИЧ.

– О них не говорят, – сказал я. – Понимаешь, на нас обращают внимание только потому, что мы мужчины и любим мужчин. До детей никому нет дела. Их не замечают. Думаешь, мой мир таким задумал Творец?

На миг мне показалось, что Алекс обиделся, но он ласково ответил:

– Творец никогда не бывает жесток. То, что происходит в твоей реальности, творится людьми по их собственной воле. Великое Равновесие Добра и Зла нарушено, поэтому и возможны страдания. Понимаешь? Шаг за шагом многие люди ушли так далеко от понимания истинной ценности человеческой жизни, что уже не могут вернуться к доброте и состраданию.

Он нежно дотронулся до моей руки:

– И ты уходишь от добра, мой милый – ведь ты боишься любить.

– Да, я не хочу больше никого любить – это слишком больно. Я выживаю, не живу. Почему я не могу остаться в Замке? Я умру, если останусь?

– Нет, – ответил Алекс, – ты не умрешь, но не выполнишь своего предназначения на Земле. Если ты останешься, непоправимо порвутся важные Нити Творения. Но выбор за тобой.

– Тогда приходи ко мне, – поддразнил я его. – В мой мир. Попробуй пожить там.

– Я приду, – серьезно сказал Алекс. – Я приду, Женя, когда ты будешь готов полюбить.

Ночь проходила за ночью, складываясь сначала в один месяц, потом во второй. Я работал, немного занимался в спортзале, ждал вечера, чтобы лечь спать. Я ничем не интересовался. Никто меня не волновал. Я вступил в абсолютное одиночество,

которое оставляло меня только по ту сторону Тумана.

Я знал, что Алекс – порождение моего сознания, и исчезнет, если побочные эффекты Стокрина прекратятся. Так что же мне было влюбляться в фантазию, в грезу?! И все же каждый день я поглядывал на часы, мысленно подгоняя время, чтобы поскорее оказаться в объятиях моего друга.

Настала роковая ночь, и во сне Алекс спросил меня:

– Женя, я хоть что-нибудь для тебя значу?

У меня заныло сердце. Мне хотелось сказать ему, что вопреки здравому смыслу он мне дорог, как только может быть дорог любимый человек.

Я не решился сказать ему, что люблю его.

– Ты – моя фантазия, – ответил я. – Что может значить фантазия?!

Он заплакал.

Мир вокруг нас задрожал, по Замку словно прошла ударная волна, горестно вскрикнула флейта, и я очнулся дома, посреди ночи, с чувством жуткой, невосполнимой потери. Мне тут же захотелось броситься обратно, сказать Алексу, что я полюбил его, что я больше не боюсь любить. Но я не смог заснуть и курил до утра на холодной темной кухне – в моем мире стоял февраль.

Не хочу вспоминать, как я прожил день перед следующей ночью.

Я боялся, что не усну, и лучше бы я не засыпал – в ту ночь я вновь очутился перед Потоком, но тот застыл, и я увидел свое отражение в непроницаемой зеркальной стене.

Я не мог попасть к Алексу.

Меня охватила смертная тоска. В моей жизни не было смысла, и не потому, что я жил с ВИЧ. Я был трусом, побоявшимся признаться в любви. Я хотел избежать боли, но только причинил себе еще большую боль.

Настало утро, серое и холодное. Нужно было собираться на работу.

Ночью выпал снег, и, выйдя из подъезда, я побрел по мокрой холодной жиже.

Мне было все равно.

Я утратил дорогу в Замок. Ничто больше не имело значения. Я был изгнан отовсюду – из моего мира, из мира Алекса.

У автобусной остановки крутилась крошечная, очень грязная и очень испуганная собачонка. Она металась от одного равнодушного человека к другому, с робкой надеждой заглядывая им в глаза.

Потерялась.

Это было выше моих сил. Страдание именно этого беззащитного существа стало для меня непереносимым. Да что же это за холодный мир, почему мы обречены страдать, не в силах дать хоть одному существу немного подлинной любви и счастья!

Я нагнулся и подхватил собачонку на руки. Честно говоря, она была очень страшенькой и мелко дрожала.

– Я отнесу тебя домой, – сказал я собачонке, – покормлю и оставлю там до вечера. Слышишь? Мне придется уйти на работу. Но я вернусь.

– Эй, Винни, – крикнул кто-то. – Винни, девочка, вот ты где!

Винни начала тявкать и всем тщедушным тельцем выворачиваться из моих рук.

Ко мне подбежал парень в куртке с глубоким капюшоном, скрывавшим лицо, и, запыхавшись, быстро проговорил:

– Спасибо, что подобрали ее! Убежала – уже час ищу. Думал – пропала.

И он отбросил капюшон.

На меня смотрели зеленые глаза без зрачков.

Это был Алекс, и он улыбался своей чудесной, ясной улыбкой.

Он выглядел по-другому – волосы стали русыми, тело обрело плотность, хотя и осталось таким же стройным, на носу появились едва заметные веснушки. Но это был мой любимый, я узнал бы его из всех существ во Вселенной.

Я ахнул. Сердце екнуло, и я чуть не выронил Винни. Мой любимый нашел меня!

Я опустил собачонку на землю. Бешено билось сердце.

Что было сном?!

Какой мир был нашим – этот, земной, или тот, в котором гордо парил Мираблис?!

– Я же сказал, Женя, – тихо сказал Алекс. – Я приду к тебе в твой мир, когда ты будешь готов полюбить. У вас тут всегда такая погода?

– Частенько, – ответил я. Потом я понял, что плачу. – Я думал, больше не увижу тебя. Я чуть не умер, когда не смог найти дорогу во сне.

– Я уже был в пути, – сказал Алекс. – Это не так-то просто – разом обустроиться на Земле, не разрушив ткань вашей реальности.

– Мы еще вернемся в Замок?

– Конечно. Много раз. А когда твой земной путь закончится, ты уйдешь туда со мной навсегда, потому что это и твой Дом, я создавал его для нас обоих. Но это будет нескоро. Намного позже, чем ты думаешь.

Он улыбнулся.

– Ну, ладно. Сделаем так.

Алекс протянул руку и дотронулся указательным пальцем до моего лба.

Передо мной на мгновение вспыхнул яркий синий цвет, а когда он рассеялся, молодой незнакомый парень с зелеными глазами протянул мне руку и сказал:

– Я Алексей. Спасибо, что подобрали Винни. Я только что сюда переехал и совсем не знаю этот город. Упустил ее во время прогулки.

– Здесь рядом сквер, – ответил я. – Там обычно гуляют с собаками.

– Покажете, где? Здесь все непривычное.

– Да, – твердо сказал я. – Пойдем. У меня есть еще немного времени.

Мы двинулись вперед, плечом к плечу. Начинаясь легкий снегопад. Винни послушно бежала рядом с нами, воплощение примерной послушной собачки.

У меня возникло странное ощущение, что все это уже было – мы уже шли вот так с Алексеем, я уже видел его тонкий профиль, уже целовал прекрасный рот, уже был с ним близок, уже любил его.

Я дотронулся до руки моего спутника, чтобы он остановился, а потом взглянул в изумрудные пламя его глаз и тихо спросил:

– Мы с тобой нигде не могли встретиться раньше? Мне кажется, я откуда-то тебя знаю.

*Специально для Парни ПЛЮС
С уважением, Курос.*

Рассказ-антиутопия. В недалеком будущем человечество становится жертвой загадочного, смертельного Вируса. Он не оставляет шанса никому, кроме маленьких детей и... мужчин, живущих с ВИЧ. Именно им предстоит унаследовать новую Землю. Пройдя через огонь Эпидемии, герои осознают и принимают свою глубокую человечность.

Курор

Моим друзьям, с теплом и любовью

ВИРУС

Для меня Эпидемия началась в пятницу, 15 августа 2014 года.

Я сидел в кафе и празднично рассматривал светлоглазого парня через два столика от меня. Чудесное, сильное лицо; великолепно очерченный, мужественный рот; легкая щетина, оттенявшая лепку скул. Легкое, гибкое тело; если его раздеть, то можно, медля, любоваться игрой мышц под чуть тронутой загаром кожей, прежде чем начать гонку наслаждения.

В те дни я размышлял над тем, как же мне сказать Маркусу, что я хочу открыть наши отношения. Я не хотел втихую изменять ему, скрывать и дальше свои приключения,

плести паутину лжи – мне было важно растолковать ему, что я по-прежнему люблю его, хочу прожить всю жизнь только с ним, что он – единственный, бесконечно дорогой, неотъемлемая часть меня самого, лучшее, что могло случиться в моей жизни.

Мне нужно было всего лишь разнообразие. Прост секс, без имен и лиц, и, если только можно, вообще без слов, только самых необходимых.

Тогда мы были вместе уже восемь лет. Восемь лет любви и дружбы, восемь лет в одной постели, восемь лет счастья. Мы – ровесники, но я мужал быстрее, чем словно решивший навечно остаться двадцатилетним Маркус. Я казался его страшим другом, и новые знакомые неизменно удивлялись, узнавая, что лет нам поровну. В самом начале нашей жизни вдвоем я сходил с ума от желания, стоило мне только представить, всего лишь представить, светлую, почти прозрачную кожу Маркуса, усыпанную веснушками, и его всегда немного испуганные огромные глаза того неповторимого оттенка серого, какой природа приберегла только для рыжих. Вереница лет – и похоть сменилась глубокой, спокойной нежностью. Мы встретились, когда нам было чуть за двадцать; мы вместе выросли, набираясь нелегкого опыта непохожих на большинство окружающих людей. Были чудесные дни, и скучнейшие недели; были тяжелые потери – мы оба потеряли отцов, в один год, – когда мы сумели поддержать друг друга и плечом к плечу пройти через горе. Мы работали, путешествовали, дурачились, украдкой посматривали на симпатичных парней, задавались вопросами о смысле жизни, затевали эксперименты в спальне, иногда вместо ожидаемой кульминации приводившие к дикому смеху, прятали подарки под елку на Рождество. Словом, это была семейная жизнь, и ее я не променял бы ни на что другое.

Всего лишь немного новизны. Вот все, что мне было нужно.

Я тихонько рассмеялся. К парню в кафе подседа девушка, прелестная, на мой взгляд, и они, обменявшись легким поцелуем, завели разговор, изящно склонившись друг к другу. Она протянула руку и дотронулась до лба своего друга, словно проверяя температуру, вздрогнула, это было заметно даже на расстоянии, отдернув пальцы как от огня. Парень потер виски, огляделся по сторонам, со странным всхлипом вздохнул и неожиданно сполз со стула на пол, опрокинув чашку. Его тело словно свела судорога. Хрип. И душераздирающий девичий вопль.

Мне казалось, я оказался в фильме. Люди вокруг меня пришли в движение. Кто-то кричал что-то о «скорой помощи», кто-то с невозмутимым видом врача склонился над задыхающимся парнем. Официантка застыла с подносом в руках, бледная, как полотно. Кафе было полно чудесного августовского света, и это несчастье казалось нереальным, поставленным талантливым режиссером, решившим оттенить человеческое страдание золотистыми солнечными лучами.

Я ничем не мог помочь. Оставалось только расплатиться и выйти, оставив за спиной плачущую девушку. У самых дверей до моей руки дотронулась официантка.

– Третий сегодня, – прошептала она. – Один – в торговом центре, и женщина на остановке за углом. Точно также – упали и не могли дышать. Это ведь просто совпадение, так?

Она умоляюще смотрела мне в глаза.

К тому времени я не раз ловил себя на мысли, что начинаю уходить все дальше и дальше от обычных, «нормальных» людей. Отчуждение. В юности и ранней молодости я хотел быть таким же, как все. Это естественное желание приемлемости было порой так сильно, что толкало моих друзей на удушающие браки – или выводило на путь гораздо более легкого саморазрушения, к наркотикам или опасному

сексу. С годами я понял, что не захотел бы становиться в ряды стандартных граждан, даже будь это возможно. Я принял себя таким, каким был, но заплатил за это, утратив интерес и сострадание к людям вокруг меня. Мне не стало до них ровным счетом никакого дела. О да, другие, полные благих намерений, геи затевали проекты планетарного масштаба, вроде озеленения пустынь или борьбы с неграмотностью в районе Амазонки. Я считал их глупцами. Ими двигало детское желание быть хорошими, им страстно хотелось, чтобы и их погладили по голове и сказали, что они, в самом деле, славные мальчишки, хотя и занимаются скверными вещами за закрытыми дверями клубов и спален. По этому поводу я не раз спорил с моим приятелем-активистом, пока мне не наскучили его аргументы. В мире подлинного равноправия, говорил я ему, пока меня еще забавляли эти разговоры ни о чем, никому и в голову не пришло хоть как-то, хоть в чем-то отделять нас от остальных людей и хвалить, словно умненьких цирковых зверушек, за удачно выполненный трюк.

Поэтому я просто кивнул официантке и не торопясь пошел домой, наслаждаясь легким ветерком. В воздухе уже чувствовалась скорая осень. Я всегда любил август, спокойный, прозрачный месяц, полный для меня легкой грусти. Моя мать умерла в августе, когда мне было девять лет. Помню, я очень долго не хотел поверить, что никогда больше не увижу ее. И даже став взрослым, я все еще не мог толком осознать, что вся моя жизнь проходила без ее ведома. Мать Маркуса вышла замуж во второй раз и укатила куда-то в Новую Зеландию, оставив неправильного сына в прежней, все более призрачной жизни.

Я очень хорошо запомнил ту пятницу, да и вообще те выходные – последние перед переменой наших судеб.

И все же у нас обоих было некое предчувствие – не беды, а скорее важных, полных драматизма событий.

После ужина мы сидели в обнимку перед телевизором, рассеянно наблюдая за чередой картинок – новостями. Маркус положил голову мне на плечо, уютно поджал ноги и переплел тонкие пальцы левой руки с моими, тихонько мурлыча песенку. Меня вдруг охватила тревога, как будто я без всякого предупреждения осознал хрупкость не только нашего союза, а наших с ним жизнью, да и вообще всего рода человеческого. Содрогнувшись, я поцеловал его руку и задержал ее у губ. От кожи чуть слышно пахло лавандой – мылом. Это был мой самый дорогой, самый близкий человек. На миг в груди вскипело рыдание, и тут же угасло.

– Похоже, сезон носовых платков в этом году начинается уже летом, – бодро проговорила ведущая на экране. – Наши корреспонденты сообщают о рекордном числе обращений к врачам с жалобами на симптомы гриппа.

Маркус перестал петь и чуть приподнял голову. Для нас грипп, да и любые серьезные заразные болячки, были весьма нехстати. Мы оба много лет жили с ВИЧ, и познакомились, вообще-то, в маленьком местном центре поддержки ВИЧ-положительных геев, когда только заполучили вирус от кого-то из любезно пожелавших остаться неизвестными партнеров нашей бурной юности. Несмотря на терапию, мы все-таки были уязвимее других людей. Чихающие и кашляющие попутчики в трамвае были нам вовсе не нужны. Году на третьем нашей семейной жизни я угодил в больницу с тяжелым воспалением легких, и мы прошли через наш собственный маленький ад, в котором Маркуса не сразу согласились пустить ко мне в палату интенсивной терапии, потому что он не был близким родственником. Даже мысль о повторении кошмара была ужасна.

Мы провели выходные, безмятежно катаясь на велосипедах и прогуливаясь по дорожкам в чудесном городском парке. Среди все еще сочной листвы, незатейливого аромата цветов, жужжания пчел беспокойство рассеялось.

Ну что ж, пересядем с удобного трамвая на машины, помучаемся с парковкой в центре города, а в офисах будем держаться подальше от коллег с подозрительно красными глазами. Столько всего пережили, и это переживем.

Как это всегда бывало с нами, мысль об опасности разогрела чувственность. Вечер субботы и утро воскресенья мы провели в объятиях друг друга, не торопясь повторяя привычный путь к финалу. И мы много дурачились, только что подушками не подрались – а бывало и такое, в первые годы нашей близости. Тогда дикой энергии было так много, что ее не укрощал даже долгий секс.

Мы не знали, что за эти два дня Эпидемия уподобилась шквальному огню, выжигавшему все на своем пути. Уже к полудню субботы вызовов «скорой» и обращений в больницы стало так запредельно много, что мэр нашего города попросил местные службы новостей не давать в эфир сюжеты о «гриппе», чтобы избежать паники. То же, очевидно, приходило в голову властям по всей нашей маленькой стране, поэтому полной картины бедствия у жителей в первые дни не было. Люди заболели тихо.

Первая волна тревоги прокатилась по социальным сетям, но угасла. Виртуальная дружба не выдержала испытания настоящей бедой. Заболев, человек просто не выходил в Сеть и исчезал с экранов друзей. Если он был одинок, никто из них не подавал ему или ей воды и не держал за руку, помогая бесстрашно перейти в другой мир. Сотни призрачных знакомых не могли заменить хотя бы одного живого друга. Угасали блоги, иссякали потоки электронных писем. На новостных сайтах заговорили было о небывалом гриппе, но натолкнулись на упорное молчание официальных лиц. Медицина отделялась общими советами пить витамины и избегать людных мест, а также чаще бывать на свежем воздухе и не тревожиться по пустякам.

Об Эпидемии широко заговорили, когда люди стали умирать. Это началось в середине следующей недели. Первые заболевшие продержались кто пять, кто шесть дней. На первые сотни и тысячи пораженных Вирусом еще хватало лекарств, медсестер и врачей, всей необходимой для поддержания жизни техники. Но даже при всех достижениях медицины выживших не было. Человек заболел и умирал. Уходил. Закрывал за собой дверь. Шансов на выздоровление не было.

Я понял, что что-то не ладно, когда в понедельник, придя в офис, оказался одним из горстки вышедших на работу к официальному началу дня. Это был филиал столичного рекламного агентства, и обычно в десять там уже дым стоял коромыслом. В тот день меня встретила тишина. Вздохнув, я включил компьютер. Грипп, не грипп, нужно было хотя бы сделать вид, что я занят делом. К одиннадцати народу прибавилось – подошли те, кто так усердно веселился в выходные, что не смог встать по звонку будильника. Позже подъехал шеф, как всегда мрачный после двух дней, проведенных в обществе супруги. Маркус работал дизайнером в издательстве, занимал крошечный кабинетик размером со стенной шкаф и понятия не имел, что творилось вокруг него, погруженный в сложные графические программы.

Наш друг Лу, активист всего на свете, тот самый, с которым я раньше любил поспорить о тщете благих дел, позвонил нам домой вечером и огорошил рассказом о чуть ли не чумой охваченном городе. Он всегда все знал. Помню, ухо мне резанули вряд ли понятные ему самому нотки удовлетворения в его голосе – он годами предрекал крах несправедливой системы, и вот она, наконец-то, начала погружаться в тартарары.

– Больницы переполнены, – с неприятным мне восторгом говорил Лу. – Об этом просто молчат, сволочи. Ребята, запасайтесь едой. Водой. Свечами.

– И смазкой, – мрачно пошутил я. – Ее-то и расхватают первой, чтобы уж взять от жизни все, пока возможно.

– Дурак, – весело откликнулся Лу. – Езжайте лучше в ночной супермаркет. Вы когда таблетки получали? На сколько осталось?

А вот это был разумный вопрос. Прерывать терапию было нельзя. Но, к счастью, мы оба, и я, и Маркус, только что получили запас лекарств на три месяца.

Разговор шел по громкой связи, и мой впечатлительный супруг решил и вправду отправиться за продуктами. Я посмотрел на его бледное лицо и махнул рукой. Мне же надоела рутина? Так чем не развлечение для семейных людей – прокатиться за спагетти и сыром на ночь глядя?

В огромном супермаркете было полно народу. Мне впервые стало нехорошо. Люди не делали покупки в ночь с понедельника на вторник. Так не бывало. И тем не менее, в кассы стояла очередь. У меня мелькнула мысль, что это-то как раз и было глупо – толкаться в толпе людей, возможно, как раз и передающих вирус. Но в мире добропорядочных граждан вирус не «передавали». Так говорили про ВИЧ, чтобы не растравливать раны уязвимых гомосексуалов – «наш» вирус «передавали», и мы с ним «жили», а не заражались и не становились носителями постыдной для остального общества инфекции. Грипп путешествовал от человека к человеку почти бесплотным воздушно-капельным путем, а не несся к новым хозяевам на всех парах при сексе между мужчинами. Все эти соображения пришли мне на ум, пока мы с Маркусом наполняли тележку продуктами длительного хранения. Я не удержался и взял целое ведро клубничного мороженого. Погибать, так с музыкой.

Музыки не было. Улицы пустели: когда стали приходиться вести о первых сотнях умерших, люди перестали приходиться в офисы, опасаясь заразных коллег; кто-то брал отпуск,

кто-то работал из дома; некоторые исчезали. Еще продолжали работать магазины, еще ходил общественный транспорт. Была некая видимость обычной жизни, еще можно было уверить себя, что через день другой все вернется на круги своя.

Вирусу хватило десяти дней, чтобы больницы оказались переполнены. Врачи не понимали, что происходило – казалось, люди сгорали за пару дней от жесточайшего, неукротимого гриппа. Сильнейшая головная боль, внезапная; дикий озноб; температура за сорок; все более затрудненное дыхание; милосердная потеря сознания...

– Я заразился, – прошептал Маркус, войдя на кухню. – Эрик, у меня мигрень. Это конец.

Он заплакал. Это были тихие, безысходные слезы.

Не знаю, как это описать... Мы привыкли жить рядом со смертью. Для нас она была привычной спутницей – мы не раз бывали на тихих похоронах и негромких поминках, где родственники сгоревшего от нашего привычного Вируса парня держались в стороне от его приятелей. Иногда разыгрывались безобразные сцены, нас с проклятиями вышвыривали вон, желая сгореть в аду. Как будто хоть кто-нибудь из нас стал гомосексуалом по своей воле. Как будто мы не были людьми с человеческими чувствами. Как будто нас не насиловали в детстве. Не пинали ногами в юности. Не пересаживались за столик подальше от нашего в ресторанах – и такое бывало. Как будто нам не понаставили клейм на лбу, не расцарапали до крови везде, куда смогли залезть сальными пальцами.

Мне казалось, я очерствел. Превратился в камень. Мы каждым днем нашего существования говорили миру: «Не сдохнем. Будем цепляться за эту гребаную жизнь до последнего. Вгрызаться в нее. Отвалите. Что есть у вас, святоши? У меня было пять сотен парней, пока я не сбился со счета – молодых красивых диких кошек, и я делал с ними все, что хотел. Брал и отдавался, как вам и не снилось. А что знаете вы?

Кто стонал под вами? Кто заставлял вас выть от наслаждения? Жена за норковую шубку? Любовница, за пару дней на Лазурном берегу? Кто из нас прав? Кто вы, чтобы судить нас?!»

На меня навалилась чудовищная усталость. Мы проиграли, все-таки, смерть одолела и нас; но никто не посмел бы сказать, что мы не взяли от этой жизни все, что она могла дать нам.

Оставалось уйти, как мужикам. О, нас никогда не считали полноценными мужчинами, словно мужественность определялась цветом волос или фасоном джинсов, но мы ими были. Иногда мне казалось, что мужественности в нас было больше, чем в социально приемлемых самцах из рекламы автомобилей и яхт. Да пошли вы все! Смотрите, как умираем мы, педики и изгои, и учитесь – так нужно прощаться с жизнью.

Я провожу Маркуса, и как только его не станет, уйду за ним – так я решил.

Тогда шел двадцатый день эпидемии. У нас было несколько пачек снотворного, и их я и собирался принять, как только похороню Маркуса. Я знал, где – в старом их семейном склепе на буколическом городском кладбище. Собью замок, лягу рядом с ним, обниму в последний раз. Ладно, мы продержались, сколько смогли. Пора, так пора.

– Не отдавай меня в больницу, – попросил Маркус. Он вытер слезы. – Не хочу... среди чужих. Если боишься, будь в соседней комнате.

Я обнял его. Отвел в спальню, уложил на кровать.. Маркуса била дрожь. Внутри тела, познанного мной чуть ли не полнее, чем мое собственное, бушевал огонь. От Лу мы знали последовательность симптомов. Без лекарств, продлевающих агонию, у нас не оставалось времени. Маркус уже дышал с хрипом. Я прихватил непочатую бутылку виски и оставшийся чуть ли не с Рождества коньяк. Глоток, еще один. Прощай, друг.

Не знаю, что там, за занавесом. Я люблю тебя. Ты же знаешь, люблю. Как умею – никто не рассказывал мне, как правильно двум парням любить друг друга. Пришлось придумать самому.

Мы всегда спали вместе. Мне нравилась немного животная близость сонного тела, нравилось тянуться друг к другу по утрам, нравились ласки в полудреме. Я пил и плакал, пил и улыбался, припоминая наши проделки.

Такая короткая, яркая, бесплодная и бесцельная жизнь.

Хрип, свистящий вдох, пауза, хрип, выдох. Где был Маркус в эти часы, в каком мире? Его жар обжигал меня. Ни одно человеческое тело не могло пережить такой огонь. Он горел.

Я уснул. Сон без грез, прыжок в черную пустоту.

Мощный толчок, и я очнулся.

Маркуса рядом не было. Я вскочил. Чудовищно пульсировало в висках. Рот, казалось, был полон ваты. На полу валялись пустые бутылки. Он не мог уйти; у меня мелькнула жуткая мысль, что, пока я спал, Маркуса забрали. Рывок в гостиную. Пусто. Оставалась кухня. Не помню, чтобы у меня еще когда-нибудь так билось сердце. Я толкнул дверь и зажмурился. Они не могли отнять у меня тело Маркуса, не могли, это было бы чудовищно – не дать мне похоронить его, не дать умереть рядом с ним.

Маркус сидел за столом и ел клубничное мороженое, прямо из картонного ведерка, разглядывая журнал из прошлой жизни. Он испуганно вскинул голову, живой, живой и здоровый, судя по его ясным глазам. Я почувствовал, как мои ноги становятся ватными, в ушах зазвенело, и я сполз по дверному косяку на пол. У меня не было сил говорить, не было сил плакать; я протянул к Маркусу руки и, когда он оказался в моих объятиях, принялся сосредоточенно покрывать

поцелуями веснушчатое лицо. Помню, он инстинктивно сморщил нос от запаха перегара. От его губ пахло клубникой.

– Я умирал, – рассказывал Маркус чуть позже, когда мы перебрались на диван, – я знал, что умираю. Мне было невыносимо больно оставлять тебя. Вот так, посреди беды, одного, но шансов не было. А потом, не знаю, как это описать, разом пришло ощущение, что мне ввели чудовищную дозу противоядия. Я задремал, а когда проснулся, был уже здоров.

Моя прогулка по краю Вечности была проще – я так и не смог толком отличить умирание от жутчайшего похмелья. Но поворотный миг был тем же самым – что-то стремительно уничтожало яд в моей и так-то отравленной крови нечестивца.

Эпидемия продолжалась. Морги и два наших городских крематория не справлялись с телами умерших. Их не успевали сжигать, их негде было хранить, на них не хватило бы земли. И тогда запылали чудовищные погребальные костры. Стоял чудесный прозрачный октябрь, тихий и лунный; и днем, и ночью к небу, распахнутому прямо в Космос, поднимался густой зловещий дым. Не знаю, возносились ли вместе с ним души людей. Не уверен.

Вирус, казалось, сам выбирал свои жертвы. На род человеческий напало разумное существо, твердо знавшее, где оно должно было побывать.

На обезлюдевших улицах нашего городка появились проповедники, кричавшие закрытым окнам домов, за которыми люди дрожали от страха, что Вирус – расплата за грехи человечества. Услышав их вопли в первый раз, я невольно рассмеялся. От Лу я знал, как началась когда-то эпидемия ВИЧ. Тогда тот, первый, Вирус объявляли наказанием гомосексуалам за безбожный образ жизни. За несколько десятков лет успело порядком набедокурить все человечество, думал я.

А вот мы почему-то выжили, как выжил Лу, и его друг, и те из наших, кто вообще заболел. О, нас терпели и даже позволяли нам жить и работать бок о бок с правильными людьми – пока мы молчали, вели себя скромно, были бесконечно благодарны за дармовые таблетки и не претендовали на слишком многое. А если нам вслед шипели «педик!», нам полагалось целеустремленно продолжать движение, а не давать оскорбителям в морду. Так почему мы оказались неуязвимыми?

Откуда пришел Вирус?

Был ли он порождением чьей-то злой воли, вырвавшимся на волю бактериологическим оружием? Почему Эпидемия началась одновременно в разных странах? Почему уцелели мы?

И вопрос вопросов – почему Вирус не трогал детей? Да, это стало очевидно довольно скоро – дошколята оказались неуязвимы перед болезнью, дети постарше легко переносили Вирус на ногах, почихав и покашляв, а подростки разделяли участь взрослых, сгорая от невидимого огня. Что спасало малышей – невинность? Но ведь и мы, заклеянные среди заклеянных, оставались целы и невредимы – а что невинного могло быть в нас, едва терпимых обществом мужеложцах?!

К концу сентября появились первые похоронные бригады, к октябрю – военные патрули. Фигуры в костюмах химзащиты обходили дома, забирали трупы; если в квартире или доме никого не оставалось, двери запечатывали. Для детей организовали что-то вроде временного приюта; тех, у кого оставались в живых родственники, отправляли к ним. Видимость власти поддерживали военные. Видимость обычной жизни поддерживала электроника – она включала и выключала электричество на улицах, подавала в дома, полные призраков, воду, обеспечивала связь. Внезапно оказалось, что

товаров стало больше, чем покупателей. Конечно, в первые пару недель были случаи мародерства, грабежей, разбоя, но ничто теперь не имело смысла. Безопасность невозможно было купить, опустоши ты хоть все хранилища Национального банка, от Вируса невозможно было спрятаться – он просто приходил за тобой, когда наставал твой черед. Наш тихий городок захлестнула волна оргий – перед лицом смерти люди стремились испытать все возможное.

Мы с Маркусом жили. Мне казалось, парили во времени, став бездумными птицами. Уютная квартирка стала нашей крепостью, недосыгаемой для погибающего в хрипах и ознобе мира. У нас была еда, вода, электричество, книги, Интернет. Хотя это казалось лишенным всякого смысла, Маркус терпеливо работал над начатым еще в августе проектом, а я методично правил никому ненужную рекламную брошюру, выданную мне в агентстве в первые дни Эпидемии.

– Ребята, не высовывайтесь, – говорил Лу. – Не отвечивайте. Еще линчуют, идиоты – с чего это мы выжили и ходим с довольными мордами?! Сгоняли за продуктами, задержали шторы, и дверь на замок. Когда-нибудь все закончится.

Он был прав. Уж если Лу отказывался от служения человечеству, то нам и подавно не следовало развивать гражданскую активность. В этом тихом, сытом, чванном мире мы умели выживать как никто другой. Мы затаились.

Среди наших пошли тихие, тихие, шепотом, разговоры о том, что нас как раз и спасал наш первый, привычный Вирус. Двое убийц вступали в схватку в наших телах, чтобы уничтожить друг друга. Мне эта теория поначалу казалась фантастической. Я жил в реальном мире, или убедил себя в этом – мой материализм не допускал эзотерических объяснений. И все-таки я сдал кровь, не представляя, что могли рассказать врачу из городского центра для людей с ВИЧ наши анализы. Разве что на стене лаборатории появились бы

письмена, вещающие о нашей высшей миссии?! Анализы не показали ничего необычного. Вернее, ничего необъяснимого – то, что у всех нас Вирус в крови не определялся, объяснялось успешной терапией. Так? Требовались дальнейшие наблюдения, возможно, в течение длительного времени. Никому не хотелось объявлять о чудодейственных исцелениях военным или властям. Мы ожесточенно спорили до хрипоты – ребятам помоложе хотелось спасти человечество, напоив его собственной кровью. Нам, парням постарше, хотелось и дальше оставаться в живых, на свободе, а не сгинуть в лабораторных клетках. В конце концов по каким-то невообразимым каналам, ведомым только активистам, Лу узнал, что и сам новый Вирус еще не выделен, хотя в Штатах полным ходом ведутся засекреченные исследования с привлечением добровольцев. И вообще неизвестно, и вправду ли это Вирус. Может, это кара небесная. Или проделки недружелюбных инопланетян. Мне не хотелось ни о чем думать. А меньше всего – кого-то спасать.

Когда я только узнал, что заполучил ВИЧ, по глупости рассказал об этом своей тогдашней приятельнице. Ей очень нравилось дружить с настоящим геем, да еще таким симпатичным. Узнав, что со мной случилось, она поначалу держалась молодцом. А потом, когда я забрел к ней в гости, налила мне кофе в пластиковый стаканчик, чтобы выбросить его, когда я уйду. В ванной меня ждала стопка бумажных полотенец. Я не решился остаться у нее для дружеской болтовни. Ей было со мной неловко и страшно. Пришлось бы, наверное, вызывать бригаду дезинфекции. Или вообще от греха подальше менять жилье. Малоли чего она придумала. Так чего же было пугать молоденькую девчонку?! Это было также нелепо, как рассказывать о себе случайным красавчикам в клубах и саунах – мы зачастую и имен друг другу не называли. Так чего было откровенничать?! Были свои, и были чужие. Для своих я бы постарался. А для чужих...

Дом вокруг нас становился все тише и тише. Все реже пели

трубы, все реже хлопали двери. Несколько раз нам в дверь стучали и глухо спрашивали, нужно ли кого-нибудь забрать. Я прогулялся по подъезду нашего особнячка на шесть квартир. Четыре из них были опечатаны. Оставались мы и соседи из квартиры напротив, там жила семья с двумя маленькими детьми. Мы редко сталкивались с родителями; они, должно быть, не выходили на лестничную площадку, если там был кто-то из нас, запирая или открывая дверь – возможно, не хотели заговаривать с непонятными соседями. Да нам и вообще не сдали бы эту квартиру в благопристойном районе города, но владельцем этого дома был парень из наших, получивший его в наследство от деда. У нас были деньги, у него – пустые комнаты, и он, не сдерживая ухмылки, дал нам жилье в самой гуще благопристойных граждан.

Мы не знали, что нас ждет, сколько продлится мор, как долго мы сможем прожить вот так, среди мертвецов, общаясь лишь с горсткой приятелей, не имея ни малейшей возможности заглянуть в будущее. Могло произойти все, что угодно; могли начаться гражданские неповиновения, войны, голод. Не имело смысла даже думать о завтрашнем дне. Мы просыпались, тянулись друг к другу, забывались в ласках, завтракали, долго и бездумно делали упражнения из комплекса йоги, немного работали, выходили на быструю, тревожную прогулку в маленький сквер за углом, обедали, ждали вечера, потом сна. Хотя улицы городка были пустынные, из какого-то атавистического страха мы не выходили из дома после наступления темноты. Где-то щелкало реле, и загорались фонари. Окон домов светилось все меньше. В один из вечеров запылала городская ратуша. Ее никто не тушил. Старинная башня и современная пристройка сгорели дотла, унеся с собой городские архивы. Да кому было до них хоть какое-то дело?! Люди умирали, так что было толку хранить их свидетельства о рождении? Выпуски новостей по центральному каналу выходили два раза в сутки и напоминали сводки с фронта, где невидимый враг сминал последние рубежи обороны. Потом настал черед пожаров в пригородах – сходящие с ума

от страха обыватели сжигали таунхаусы погибших, надеясь уничтожить заразу. Вирус забирал и их. Огонь был над ним не властен.

Где-то в самом начале ноября в нашу квартиру раздался звонок. К нам иногда забегал Лу, но он всегда предупреждал о том, что придет, по все еще работавшему мобильному – как будто нам было куда уйти. В дверь постучали. Заплакали. Женские рыдания. Мы с Маркусом переглянулись и открыли дверь. На лестничной площадке стояла соседка. Помню ее дикие глаза.

– Билл заболел, – выдохнула она. – А значит, и мой черед не за горами. Пожалуйста, возьмите наших детей. Умоляю. Никого не осталось. Пожалуйста, они очень послушные. Анна и Виктор.

Моей первой реакцией было захлопнуть дверь. Эти люди не имели к нам ни малейшего отношения. Они не поздравляли нас с Рождеством, не здоровались приветливо у подъезда, не приносили по куску яблочного пирога на нарядной салфетке. Так случилось, что напротив них жили два парня, тихие, слава Богу, и приятные, но общаться то с ними было необязательно? О чем могли говорить с геями добропорядочные мать и отец небольшого семейства? Они, должно быть, гордились своей толерантностью, может быть, выпив с друзьями, рассказывали тем, что прямо в их доме, через холл, обосновалась парочка «голубых» – славные на вид, и явно при деньгах, но не дружить же с ними? Кто знает, что у них на уме, так ведь?!

Соседка вытерла слезы.

– Мы хотим уехать, – она содрогнулась, – уехать как можно дальше на машине, не хотим.... Не хотим, чтобы дети видели. Если я выживу, то вернусь. Возьмите их, пожалуйста. У нас полно еды.

Я хотел было сказать, что умереть они с мужем могут

и в любой брошенной квартире, не пускаясь в символический последний путь. Детей могли забрать в приют. Найти родственников. Это было... неправильно. Мы геи. С ВИЧ. Как мы могли позаботиться о двух малышах? Что мы могли им дать, двое отщепенцев?

Потом я понял. Агония вблизи от детей была бы чудовищна. Они хотели проститься с ними, пока еще были в сознании, и дети запомнили бы родителей здоровыми, веселыми людьми. В конце концов, и я сам уже умер, и я сам держал в руках погибающего друга – я познал дикую тоску прощания. Но мы воскресли. Для чего-то, зачем-то нам не дали уйти.

Я посмотрел на Маркуса. Он инстинктивно взял меня за руку. Когда-то Маркус любил в шутку говорить, что было бы славно обзавестись ребенком и войти в школьный родительский комитет. В нашей стране такие усыновления не разрешались. Да если бы закон и был благосклонен к мужским парам, уж нам-то точно никто не доверил бы малыша. Мы же заразные. От нас хорошего не жди. Какие уж тут дети.

Маркус робко, едва заметно кивнул мне. За годы общей жизни, за тысячи проведенных вместе ночей я научился так хорошо понимать его, что словно слышал чудесный мягкий голос. Давай рискнем, давай возьмем их, Виктора и Анну. Пусть они поживут у нас. Их заберут, потом, когда Эпидемия пойдет на спад. Или погибнем мы все. В этом аду было одинаково вероятно все.

– Не навсегда, – сказал я. – И если что-то пойдет не так, мы отдадим детей в приют. А пока, да.

В нашей паре с посторонними всегда разговаривал я. Может быть, потому что я был выше ростом и казался старше. А улыбался всегда Маркус. Жаль, что его чудесную, нежнейшую улыбку тогда мало кто видел. Он улыбнулся и в тот раз, и я поймал в глазах соседки странное выражение... Это была не зависть обреченных к выжившим, нет, не зависть... Это было,

как если бы в конце жизни она вдруг поняла, что мир вокруг нее всегда был добр и благосклонен к ней, и равным образом ко всем людям, и что только ее собственные стены не давали ей увидеть полноту человеческих чувств.

Так в нашей жизни появились Анна, шести лет, и Виктор, четырех лет.

При прощании, очень коротком, наверное, из-за дрожи, уже бившей их отца, дети не плакали. Я совсем не разбирался в таких малышах, но мне показалось, что они напуганы. Мы с Маркусом должны были казаться им огромными, непонятными фигурами – двое соседей, с которыми им явно не советовали дружить, теперь становились «старшими», и их нужно было слушаться и хорошо себя вести.

Брат и сестра осмотрелись в нашей квартирке, где, как понял я с огромным облегчением, не было ничего предосудительного – ни огромных фотографий обнаженных томных красавцев, ни фривольных журналов.

– Вы братья? – спросила Анна.

Я непроизвольно вздрогнул, но напрасно.

– Мы очень хорошие друзья, – ответил Маркус. – Самые лучшие друзья, так можно сказать.

Это немудреное объяснение вполне устроило Анну. Вместе с нами они сходили в их квартиру за игрушками и устроились на огромном диване, маленькие и хрупкие до слез, невероятно уязвимые перед огромным, равнодушным миром.

Много позже я понял, что за первые недели Эпидемии наши маленькие гости повзрослели не по годам, оказавшись в самой сердцевине человеческих страданий. Вместо беспечных деньков в любви и заботах любящих бабушек и дедушек, всей их большой семьи, хоть и разъехавшейся по разным уголкам нашей страны, но все-таки дружной, они стали свидетелями

стремительного угасания родов, отцовского и материнского. Когда-то, вполголоса рассказывал мне Маркус, для него стала трагедией смерть бабушки. Он до сих пор верит, что, останься она в живых, не уйди так рано, бабушка приняла бы его и застыдила бы отгородившуюся от Маркуса родню. У этих детей не оставалось никого. Мы, совершенно чужие люди, стали их единственной надеждой на выживание в огне Эпидемии. Родители уехали в неизвестность, в спешке, да так далеко, что им нельзя было даже позвонить. Детство закончилось. Понимание глубины трагедии Анны и Виктора пришло ко мне не сразу. В первые дни опеки над малышкой мы оба были оглушены таким поворотом судьбы.

Я не представлял себе, как обращаться с детьми, я и со взрослыми-то держался настороже, делая исключение только для своих, но эти двое маленьких людей были необременительными гостями. Им понравился нехитрый ужин – разогретая в микроволновке пицца и ванильный десерт в стаканчиках; мы вместе посмотрели прихваченные из их прежней жизни мультики. Все самое важное в нашей квартире происходило или на кухне, или на диване. Брат и сестра сидели рядом с нами, по бокам, инстинктивно выбрав себе родителей – Анна устроилась рядом со мной, чинно сложив ручки на коленях, а Виктор осторожно придвинулся к Маркусу.

– Я могу помыть посуду, – тихонько прошептала Анна.
– И, знаете, у нас дома есть запас воды; папа сказал, на всякий случай. А у вас? Эрик, нас не обязательно вот так кормить, прям как в ресторане. Я умею бутерброды делать, честно. И никогда не режусь ножиком. Мы вам не будем мешать.

Я очень, очень осторожно погладил маленькую храбрую девочку по русой голове с двумя хвостиками. Она застенчиво мне улыбнулась. Вздохнула. И мигом позже уже смеялась приключениям какого-то кролика-недотепы. Ко второму мультику ее брат не выдержал и перебрался к Маркусу на

колени. Тот кинул на меня совершенно ошалелый взгляд. Всего этого никогда не должно было случиться. Но, тем не менее, это происходило на самом деле.

На ночь дети вернулись к себе, в детскую. Мы включили и проверили радионяню, убедившись, что слышим наших подопечных через холл, посидели с ними, пока они не заснули, по детски стремительно. Я забыл, как быстро засыпал в их возрасте, разом перешагивая в мир грез.

Мы оба улеглись чуть ли ни вслед за ними. Посмеялись в темноте. Поцеловались. Вот это было привычно, это была наша жизнь – знакомые губы, щетина на скулах, родинка под правой лопаткой Маркуса, которую он маниакально запрещал мне трогать, уверенный, что я ее скovyрну, и к которой почему-то вечно тянулись мои пальцы.

Я задремал, потом сон стал глубже. Часа через три я очнулся от толчка. Дети были совсем одни, в большой опустевшей квартире. Воображение тут же услужливо нарисовало мне всех выживших извращенцев, направляющихся напрямиком к нашему особнячку. О чем мы думали, двое здоровых мужиков, оставляя малышей совсем одних? Я застонал от собственной глупости, натянул спортивные штаны и футболку и кинулся в квартиру соседей.

Там было тихо. Дети спали. Горел ночник, пахло карамелью. Брат и сестра еще не знали, что стали сиротами. И я заплакал. Тихо, горячо, чувствуя, как теплеет мое сердце. Сел на пол у двери, охраняя покой Анны и Виктора. Рядом опустился Маркус, пришедший вслед за мной. Наши пальцы привычно сплелись. Мы словно были одни на планете, затерянные в Космосе, возможно, никому не нужные, порожденные стечением обстоятельств, обреченные кануть в холодный мрак. Или это было не так? Или мы были нужны и важны кому-то, непостижимому для человеческого сознания, кому-то, стремившемуся постигнуть себя через свои творения?!

– Давай сделаем для них все, что можем, – мечтательно прошептал Маркус. – Это, наверное, интересно, когда рядом растут люди. Ну, я хочу сказать, мы же забыли, что сами когда-то были детьми. Это наш шанс вспомнить себя, так, любовь моя?

Я осторожно поцеловал его. Темнота вокруг нас была призрачной, полной загадок. Убедившись, что малышам ничто и никто не угрожает, мы поднялись и вернулись к себе. Мы не знали, было ли у нас будущее; однако, пока мы отдавались ласкам, проходя привычный, и вместе с тем всегда новый, путь к наслаждению, мы были живы. Мы бывали близки много, много раз, в самых разных обстоятельствах, за все проведенные вместе годы, но в ту ночь впервые в жизни я не тонул в волнах чувственности бездумно, безоглядно – даже за миг до начала дикой гонки к финалу; новый, незнакомый мне самому, я бессознательно прислушивался к детской рации, готовый кинуться на защиту вверенных нам судьбой хрупких существ. Уже утром мы с Маркусом поняли, что так, наверное, любят друг друга супружеские пары с маленькими детьми.

Когда на следующий день мы собрались прогуляться в сквере, Анна взяла меня за руку. Помню незнакомое мне прикосновение крошечных пальчиков и теплую ладошку. Я вообще ничего не знал о детях, забыв свои первые годы в этом мире так безвозвратно, как будто никогда не был маленьким; у меня не было племянников и племянниц, я не стремился к отцовству, убежденный, что оно не для меня, искренне не понимал, с чего вдруг наших приятелей охватывало непреодолимое желание оставить после себя потомство. До тех дней я жил в мужском мире, соприкасаясь с обычными людьми только на работе или, разве что, когда мы делали покупки. В нашем городке нас удерживала работа – иначе мы оба давно перебрались бы в гей-квартал столицы, за невидимые крепостные стены.

– Не отдавайте нас, пожалуйста, в приют, если мама

задержится, – проговорила Анна, глядя на меня снизу вверх. – Эрик, мы будем хорошо себя вести. Мы очень стараемся. Нас мама и папа не найдут, если мы будем у чужих.

На меня смотрели умоляющие глаза.

– Мы вас не отдадим, – серьезно ответил я. – Никогда, ни за что. Клянусь.

Пока Маркус закрывал дверь, Анна что-то быстро прошептала на ухо брату, и тот расплылся в чудесной улыбке, похожей, как ни странно, на улыбку моего любимого. На улице Маркус посадил Виктора себе на плечи. Мы переглянулись. Наверное, у нас был одновременно очень важный, и очень глупый вид. Без малейшего предупреждения мы стали семейными людьми.

Нам встретился патруль, мы инстинктивно сжались, готовые объяснять, откуда у нас дети. Но изможденные военные всего лишь улыбнулись нам и обреченно продолжили путь. Никому не было до нас дела.

В те первые дни я поражался детям, их удивительной гибкости, позволявшей им играть и смеяться в разгар Эпидемии. Мы сами уже забыли, что такое хохотать просто потому, что тебе смешно. Поймите, ничто в моей жизни не подготовило меня к такому повороту событий, я никогда не смог бы представить, что буду в ответе за малышей, что окажусь так близко к миру детства.

Поначалу нас с Маркусом охватил страх. Что, если мы сами, не в пример Анне, порежемся? Что, если наша кровь попадет на какую-нибудь детскую царапинку? Как нам жить – всем вместе? О чем разговаривать с детьми? Что, если у них что-нибудь разболится? Нам не на кого было рассчитывать, кроме себя – не приходилось ожидать появления добрых фей в образе мудрых бабушек с советами по любому поводу. Мы поступали, как считали нужным.

Спросить с нас было некому. Да и жизнь с нами была в любом случае лучше, чем в приюте.

Потом нам стало страшно за себя. Что, если мы сами все-таки не выживем? Неужели детям придется остаться совсем одним? Только не это.

Наши с Маркусом жизни, жизни двух геев, никому прежде не нужных, вдруг стали чрезвычайно важны. У нас появилась цель – уберечь брата и сестру во чтобы то ни стало. Защитить их. Согреть. Помочь пережить горе. Накормить. А если для этого нам предстояло вновь сразиться с миром – мы были готовы.

Было немало смешных минут, прелестных зарисовок непрошенного отцовства двух геев за тридцать. Выяснилось, что Виктор не умел завязывать шнурки. Он попросту выдергивал их из крохотных по нашим представлениям ботинок и прятал куда-нибудь подальше, убежденный, что мы выставим его, и сестру заодно, вон, сраженные его неумелостью. Первым попробовал свои таланты в обучении завязыванию шнурков я. Виктор внимательно следил за моими действиями, а потом вдруг сморщил носик и заплакал. Я в сердцах позвал Маркуса. Что же ждало нас дальше, если я не мог научить парня правильно обращаться с обувью?! Маркус принес свой, немаленький ботинок. Виктор, шмыгая носом, попробовал завязать большие шнурки. Мучительно долго он возился с ними, покачивая чудесной белобрысой головенкой, и наконец-то завязал вполне правдоподобный узел. После этого дело пошло проще, и следующие пару недель мальчуган завязывал все, что только попадалось ему под руку, а вернее – под ручку.

Эпидемия пошла на убыль после Нового года. Страна была растерзана. Потери были колоссальными, ужасающими; позже мы узнали, что Вирус забрал от трети до половины населения – оценки разнились, а перепись не провели до сих пор.

Мы пережили холодную зиму, а потом жизнь в новом, непривычном мире стала налаживаться. Были черный, мрачный декабрь, перебои с электричеством, когда что-то приключилось на одной из городских подстанций, кажущаяся нехватка продуктов, напугавший нас снегопад, совсем непривычный в наших местах, тихий Новый год, распахнутое окно января, слухи, оказавшиеся ложными, об аварии на АЭС. Были тяжелые, бесконечные мартовские вечера, когда детей охватила тоска по родителям. Они то и дело плакали, прислушивались к малейшим звукам, не отходили от нас ни на шаг и отказывались засыпать без света. К тому времени мы перебрались в квартиру попросторнее, оставшуюся без хозяев, в том же доме. Я несколько раз заставал Анну у дверей их прежнего жилья. Я не торопил ее. Входил с ней внутрь. Девочка проходила по комнатам, где еще оставались вещи ее родителей (мы разобрали их много позже). Потом она тихонько возвращалась ко мне. Брала меня за руку, и мы поднимались наверх, в новые, еще не обжитые нами комнаты. От ее горя у меня ныло сердце. Я ничем не мог помочь.

Мы выжили.

Осиротевших детей оказалось так много, а взрослых осталось так мало, что стало возможным невероятное – мы с Маркусом официально установили опеку над Анной и Виктором, а когда годом позже без излишней шумихи разрешили регистрировать браки между партнерами одного пола, то поженились. У нас появилась звучная двойная фамилия и обручальные кольца. В тот год было много таких свадеб.

Я не уловил миг, когда дети перестали ждать родителей. Маркус не раз говорил им, что, где бы ни были их папа и мама, они в хорошем, светлом месте. Аннужка и Вик, так мы стали звать наших ангелов, временами прелестных и тихих, временами – отчаянных проказников и сорвиголов, поверили ему. Это изумляло меня – то, как легко дети верили нам,

верили на слово, как старшим и более мудрым.

Лу тоже стал приемным отцом. Умерла его сестра, оставив непутевому брату двухлетнюю племянницу. Его друг Марк, которого я всегда считал манерным, глупым, и не любил за привычку тянуть слова и томно поводить глазами, быстро возмужал и возился с малышкой так, словно вырастил пятерых.

Он с тревогой смотрел на своего рослого спутника жизни с крошечной Лизой на руках, пока тот, устроившись на нашем диване, бушевал с тем же жаром, с каким раньше обличал гомофобов и ханжей:

– О моя милая! Ты вырастешь в мире, где женщины будут подлинно равны с мужчинами. Не волнуйся, детка, мы не дадим тебя в обиду! Твой муж будет тебя уважать, поверь!

– Тише, – и Марк нежнейшим жестом поправлял локон их сокровища. – Не шуми. И дай ее мне. Давай, давай. Она и моя тоже.

– Будет уважать, уж точно, – хохотал Маркус. – Иначе мы его, беднягу, живо...

– Дети! – мы заходились от смеха. – Не при детях!

Так мы и живем, на новой Земле, которую довелось унаследовать нам, изгоям и невинным. Никого больше не волнует, что мы не похожи на большинство, потому что большинства больше нет. Как нет и религий, порицающих человеческую природу – они не выстояли перед Вирусом, и теперь нам, или нашим детям предстоит создать новые.

И вот еще что. Исполнилась мечта Маркуса. Он вошел в школьный родительский комитет. Он там, на заседании, а я сижу на лавочке в парке и дописываю эти строки на ноутбуке, пристроив его на коленях. Аннушка болтает с подружками, Вик что-то строит в огромной песочнице

со своей первой большой любовью – похожей на прелестную куколку девочкой, приемной дочкой наших друзей. Скоро мы встретимся и пойдем домой, мы и наши дети, нашедшие нас о огне Эпидемии.

Ноябрь 2012 г.

ОБЪЯТИЕ

Пока я жив, я жив.

Я все еще держусь за эту гре****ю жизнь, держусь до последнего, даже когда у меня сводит пальцы, предательски скользящие по самой кромке бытия. Мне хочется разжать их. Руки сводит судорога. Я так устал за последние месяцы, что даже миг падения в манящую темно-синюю пропасть забвения стал бы для меня отдыхом.

Закрывать глаза и ни о чем не думать. Даже если я больше никогда не увижу свет. Пусть меня больше не будет. Но почему-то я упрямо живу. Принимаю лекарства, хожу на работу, прибираюсь в квартире, покупаю продукты.

По утрам, когда я бреюсь, из потемневшего от времени зеркала на меня с холодным любопытством смотрит худощавый парень под тридцать. У него серые настороженные глаза. Он словно хочет сказать: «Ладно, еще ночь мы продержались. Признаю. Рассвет, новый день, романтика никогда не ослабевающей надежды. А вопрос, друг, вот ведь

какой – насколько тебя хватит? Сколько ты протянешь без тепла другого человека? Без ощущения, что ты важен, очень важен для кого-то? Сам-то как думаешь?»

Мы с ним с ненавистью и вызовом смыкаем взгляды в поединке, в котором нет, и не может быть победителя, потому что одинокий, обманутый, надломленный парень с плотно сомкнутыми губами – я сам.

Несмотря на жестокие слова, отдающие эхом в моей голове, парень в зеркале все-таки страстно надеется, что я посмотрю ему в лицо и на следующее утро, потому что, если не станет меня, не станет и его.

Пустота пугает еще сильнее, чем жалкое прозябание отщепенца.

Если бы только мне было с кем поговорить!

Поговорить, разрыдаться на чьем-то плече, чувствуя, как меня гладят по спине, помогая выплакать мой ужас, уснуть в объятиях человека, вставшего между мной и смертью.

Поговорить.

Но я говорю о чем угодно, только не о том, что мучает меня, отравляет сны, будит под утро, не позволяя выспаться, следует за мной неотлучной тенью весь день, чтобы поглотить меня, стоит мне остаться одному в звенящей нехорошей ночной тишине.

У меня ВИЧ.

Ну и что?!

Нас же много, таких, ведь так?!

Какие-то добрые люди с самыми лучшими намерениями устраивают для нас группы поддержки, создают сообщества в Сети, стараются помочь нам принять себя и «жить дальше». Они – свои, они знают, как тяжело продержаться первые

месяцы, привыкая к перемене судьбы.

Но я не хочу быть своим среди своих. Я продолжаю жить потому, что мне страшно умереть, а не потому, что мое существование полно смысла, восход Солнца вызывает у меня благоговение, а в лунные ночи мне хочется мечтать. Для меня ужасно стать своим для таких же отброшенных на обочину жизни простофиль, веривших в добрые сказки и всепобеждающую любовь.

Как, интересно, проходят встречи мужчин, проигравших решающую жизненную битву?! Мне на ум приходят увиденные в кинофильмах сцены заседаний клубов Анонимных Алкоголиков. Комната с выдавшей виды мебелью, стулья полукругом, плакаты на стенах, что-нибудь вроде: «У меня ВИЧ, и жизнь прекрасна!».

Наверное, там, под понимающими взглядами парней, мне нужно будет встать и в нескольких словах рассказать о себе?

– Здравствуйте, я – Кирилл, и у меня ВИЧ. Меня заразил мой бывший парень. Да-да, тот самый, с которым я собирался прожить всю жизнь. Тот, с которым мы говорили о верности, честности друг с другом, доверии, ответственности за любимого человека. Точнее, как я сейчас понимаю, говорил я. Он слушал и соглашался – то, что я высказывал, было так банально, что и возразить-то было нечего. Иначе получилась бы дискуссия в духе: «Впадает ли Волга в Каспийское море?». Вы, наверное, думаете, что мы были парочкой наивных юнцов или двумя вечными юношами, решившими никогда не взростеть и не принимать никаких важных решений? Но это не так. Мы с ним встретились уже сложившимися людьми, оставившими за плечами немало горестей и испытаний. Понимаете? Великая ирония судьбы именно в этом – мы договорились, что будем очень, очень осторожны при случайных встречах с другими парнями. Мне казалось, что тот далекий, сложный, как мне казалось, разговор был разговором двух зрелых людей. И я не смог, не нашел в себе сил остаться с Ильей, когда он сухо сообщил мне, что знать не

знает, от кого получил вирус – их было много. Других было много. Если бы он сказал мне, что страстно влюбился, или хотя бы увлекся кем-то одним, думаю, я принял бы его слова. Тогда речь шла бы о чувствах; мне было бы больно признать, что я упустил что-то важное в наших с Ильей отношениях, но я смог бы простить и его, и себя. Но узнать, что я никогда не был для него важен... Это меня убило.

– Опасность захватывает, – говорил мне Илья, затягиваясь сигаретой. – Наверное, это сродни русской рулетке. Или, знаешь, я в детстве любил быстро-быстро пробегать по высокой узкой стене за соседними с моим домом гаражами – это было опасно, упади я, легко не отделался бы. Ожог чувств... не знаю, как это описать.... Ощущение, что я по-настоящему жив, что риск, уж риск-то у меня никто не сможет отнять. Ты считаешь меня подонком. Ну, так и есть. Никогда не смогу быть таким, как ты – не смогу подлаживаться под жизнь. Не смогу тлеть. Лучше вспыхнуть и сгореть, чем коптить небо.

И он добавил:

– Я не о чем не жалею. Просто я люблю не так, как ты. Давай останемся вместе, зачем расходиться? Мы вроде бы притерлись друг к другу. Вдвоем легче выживать. Подумай. Я всегда был таким, только ты не все обо мне знал. Я все тот же.

Я чувствовал, что падаю, и никак не могу достичь дна, в холодное ущелье отчаяния. Илья был незнакомцем, совершенно чужим для меня человеком, я так ничего и не узнал о нем за все время нашей жизни вдвоем – я любил придуманный мной образ.

После того, как я узнал, что вирус добрался и до меня, еще какое-то время, пару месяцев, я оставался с Ильей. Инерция.

Душевное оцепенение, такое глубокое, что оно походило на медленное умирание всех чувств.

Чуть позже я понял, что Илья стал вызывать у меня

отвращение. Он продолжал жить, как ни в чем ни бывало; казалось, для него получить вирус и стать зависимым от не очень-то любезного к гомосексуалам государства было естественной частью вольной гейской жизни.

Потом во мне всколыхнулось глубокое, забытое, как мне казалось, чувство презрения к самому себе, знакомое мне по юности. Тогда я больше всего боялся превратиться в гомосексуала, каким его представляют обыватели – жеманного, неприлично нежного для мужчины и обреченного в лучшем случае на псевдо-творческую профессию, а в худшем – на участь продавца в каком-нибудь бутике и вынужденного смириться с косыми взглядами клиентов и клиенток.

Ну что же, сказал бы я внимательно слушающим меня серьезным мужчинам, я стал дизайнером – веб-дизайнером и иллюстратором. В меру талантливым. Что это за мера таланта? Достаточно талантливым, чтобы те люди на моих работах, кто знает, что я – гей, считались со мной.

Понимаете ли, продолжил бы я, отношения с Ильей были очень, очень важны для меня. Я мог жить в семье, с любимым человеком – и это говорило о том, что я ничуть не хуже ровесников – натуралов.

У меня была иллюзия, что я не такой гей, как другие; я был хорошим, способным на любовь, духовным, если угодно.

Я лгал самому себе. Моя прежняя жизнь была заботливо построена на зыбучих песках самообмана и заблуждений.

Поэтому крах отношений с Ильей стал абсолютным – я утратил иллюзии не только насчет его, но и насчет себя.

Но все это мне некому сказать. Я одинок. Одинок.

Чтобы не сойти с ума, или чтобы сойти с ума незаметно и безболезненно, я провожу много вечернего времени в Сети. Читаю, что пишут другие; я боюсь, что стоит мне начать с кем-то общаться, я разом выпалю всю свою историю, испугав ни в

чем не повинного человека, и он исчезнет, сделав окружающую меня пустоту еще безысходнее.

Тихим, ужасающе тихим вечером пятницы, когда меня подташнивает, то ли от привыкания к лекарствам, то ли от голода, потому что я не могу заставить себя встать, пойти на кухню и что-нибудь пожевать, я ломаюсь.

Кто-нибудь, услышьте меня, пожалуйста! Я еще жив!

Я всхлипываю и ни с того, ни с сего пишу какому-то пареньку, если это вообще живой человек, конечно же, а не придуманный кем-нибудь виртуальный образ:

– У меня ВИЧ.

Слова уходят прежде, чем я успеваю опомниться и стереть их. Ну вот, теперь этот ginger_boy исчезнет – смысл тратить время на убогого?!

– Бедный мальчик! Держись! Давно?

Я читаю эти четыре слова и так, и этак. Сознание отказывает признавать очевидное – меня, пусть на мгновение, услышали.

– Недавно.

– Бывший?

– Откуда ты знаешь?

– Догадался. Жестоко. Больно?

– Очень. Иногда нет сил, чтобы жить.

– Для жизни нужны не силы.

– А что же нужно?

– Страсть. Страстное желание жить. Жить не сложно. Если понять, как.

- Ты прямо мудрец. Сколько тебе лет на самом деле? 50?
- Примерно. 29.
- Ровесник. А ты тоже... плюс?
- Нет, насколько я знаю.

Замираю на миг. Меня охватывает ощущение, что я, прокаженный, разговариваю со здоровым человеком, изучающим меня, как жуткий экспонат кунсткамеры, уродца в банке со спиртом. Теперь мне самому хочется исчезнуть. Что он может знать о моей жизни, это ginger_boy?!

На экране появляются слова:

- Есть хороший знакомый с ВИЧ. Я не чужой.

Как он почувствовал, что я хотел отключиться?

- Нет страсти, ушла, - пишу я. - Я больше ни во что не верю.
- Значит, ты и не верил. Невозможно перестать верить, если ты поверил - вера не рациональна. Ты утратил свою систему убеждений.

Потираю виски. Вера не рациональна. Иррациональна. Да, он прав, этот загадочный парень; какой странный разговор в Сети!

Я вдруг с ужасом понимаю, что он может в любой момент исчезнуть. Оборвать переписку.

На экране появляются слова, его ответ на мой немой крик отчаяния:

- Лови мои координаты. Почту проверяю часто, но могу быть занят целый день. И мобильный. На всякий случай. Ты ведь в Москве?

- Ага.

– Ну и я. Слушай, надо поработать. Отключусь ненадолго.

– Спасибо. Что ты есть.

– Я старался : –)

– Подожди! Эй! Мой телефон! И почта!

– Ага. Тебя как зовут, кстати?

– Кирилл.

– Тимофей. Не смейся : –) Тим. До связи! И помни – станет легче, обязательно станет легче.

Я перевожу дух. Что же это такое происходит?!

У меня мелькает дикая мысль, что, возможно, парень – ловец душ из какой-нибудь тоталитарной секты, промышляющей людским горем и одиночеством. Чувствую себя пенсионером, у которого отбирают квартирку. Буду скитаться по улицам, подгоняемый пробирающим до костей осенним ветром.

Потом меня накрывает волна болезненного раздражения.

Ну и что с того, что у него приятель с ВИЧ? Он все равно не понимает, каково это – знать, что вирус никогда не покинет мое тело. Ему не нужно стоять в очереди в аптеку, не поднимая глаз, потому что именно здесь получают свои лекарства люди с ВИЧ, и прийти сюда – все равно, что сообщить окружающим о своем диагнозе. И не только о диагнозе – о своей глупости, или, что еще тяжелее – о ненависти к самому себе, скрытой, коварной, развешивающей душу ненависти, толкающей к разрушению, опасности, неверию в любовь.

Мы все сами виноваты, разве нет?! Что об этом может знать посторонний?! Встаю. Мне надо выйти из дома, но я не могу. Люди стали пугать меня; их уязвимость передо мной кажется мне чудовищной. Когда я случайно порезался листом бумаги на работе, и одна из наших милых девчонок кинулась ко мне с пластырем, я чуть не грохнулся в обморок – она не знала, что

со мной, и собиралась как ни в чем ни бывало вытереть мою отравленную кровь, хотела дотронуться до меня!

Если понять, как жить.

Но я никогда не задумывался о жизни, она шла сама собой, одно событие сменялось другим, меня подхватывала то одна волна, то другая, и я позволял им увлекать себя, куда заблагорассудится потоку.

Поток поднес меня к расселине, понимаю я.

Я упустил момент, когда река моей жизни стала меняться, исподволь становясь все более опасной и непредсказуемой; поначалу я еще огибал острые камни, укрытые до поры пеной и бурлящей водой, не замечая их, но настал миг, когда я ударился в первый раз – Илья не пришел домой ночевать, отговорившись тем, что «засиделся в гостях». Мою душу засадило, но я уговорил себя, что так и должно быть – мы же двое мужчин, такие вещи нормальны, это я – домосед, а Илья имеет полное право ходить в гости, да и вообще проводить время так, как считает нужным.

Я все еще произносил свои пламенные речи о любви, притуплявшие боль от жестоких ударов об обломки неведомых гор, попавшие в поток моего существования – я рассказывал сам себе сказку о вечных чувствах, а мой прекрасный принц изменял мне, даже не считая, что изменяет. Я мог бы вести себя так же, как и он – Илья, наверное, так и не понял, что все годы нашей жизни вдвоем я хранил ему верность, за исключением всего лишь нескольких раз стремительного, безликого секса со случайными партнерами.

Подхожу к окну.

Как удалось совершенно постороннему человеку несколькими словами заставить меня так ясно взглянуть на свою жизнь? Даже если бы мне пришло в голову, что моим собеседником мог быть кто-то из знакомых, я отмел бы эту

мысль – о моем диагнозе еще никто не знал, я отдалился от приятелей, а близких друзей у меня нет. Я не существую для окружающих – они знают совсем другого Кирилла, не меня.

Планшет неожиданно оживает и свистит, и я так дико вздрагиваю, что мне становится стыдно самого себя – отвык от общения, отбилась от людей.

Открываю почту на большом компьютере.

Непроизвольно ахаю и на миг прикрываю глаза руками.

Что за чертовщина!

Мой новый знакомый прислал мне фотографию, но не свою, а реки, мощной полноводной реки, протекающей в какой-то жаркой экзотической стране – это видно по цвету неба, яркости зелени по берегам.

«Слабый человек плывет по течению, сильный – против течения, а мудрый плывет туда, куда хочет», – написал мне Тим.

Стою некоторое время, чувствуя, как что-то во мне меняется.

Потом быстро переодеваюсь и выбегаю из квартиры.

Нет, гей-клуб исключен. Я утратил не потенцию, меня покинуло само желание близости с другим человеком. Я просто больше ... не могу. Наверное, теперь мой удел – угрюмое рукоблудие под кадры на экране компьютера.

Вирус поразил мою душу сильнее, чем тело. Телу нужен секс, нужна разрядка, оно все еще молодо, несмотря ни на что, но мне непереносима сама идея физической близости с другим парнем – вдруг я его заражу? Да и как сказать незнакомому человеку, что я – плюс?! Он повернется и уйдет. Искать своих?

Не могу себя заставить.

Нужно немного побыть среди обыкновенных людей.

Спускаюсь вниз, выхожу на улицу и вижу спасительные огни «Шоколадницы». Ну что же, значит, туда.

Когда я усаживаюсь за столик и раскрываю меню, на меня разом нападает жуткий голод. Такого еще ни разу не было с того дня, когда я узнал о своем диагнозе.

Я заказываю гору еды, сэндвичи, салат, кусок торта, чашку шоколада, рот наполняется слюной, пока я жду. Невозмутимый официант родом откуда-то из Средней Азии явно мной доволен. У него дома, скорее всего, принято уж если есть, то досыта, иначе нечего и к столу садиться.

После первого бутерброда я успокаиваюсь.

Интересно, какой он, этот Тим?

Он может быть каким угодно, например, тихим увальнем в очках.

Нет, увальень никогда не написал бы о страсти к жизни.

А он вообще мужчина? Вдруг это женщина, блуждающая по чатам для геев? Только не это. Да нет, Тим – мужчина, в его словах и манере выразаться есть нечто чисто мужское. И с чего бы женщине подбадривать педика с ВИЧ?

Надо попросить его прислать мне фото. Отправить свое. Но я жутко выгляжу, да и было бы невыразимо пошло свести эту странную будоражащую переписку к обмену торсами и членами.

Я ничего не знаю о Тиме, но непостижимым образом его слова о страсти к жизни пробудили меня от мучительного кошмара, начавшегося несколько месяцев назад. Это же всего лишь строки на экране!

Оглядываюсь.

За дальним столиком – нешумная компания, несколько пар – барышни, заговорщицки склонившиеся друг к другу над кофе, симпатичный парень с сердитой девчонкой, которая ему все что втолковывает и втолковывает, одиночки, как и я.

Никто из нас не выглядит счастливым.

Ни в ком не чувствуется страсти, как сказал бы Тим.

Кто же он?

Увидеть его. Он должен повторить мне свои слова, проговорить их, чтобы они стали моим девизом: «Нужно страстное желание жить».

Мне незнакома страсть, понимаю я. Лихорадочное желание юности и первой молодости, да, знакомы, а подлинная страсть к кому бы то ни было, к чему бы то ни было – нет. Многие решения в своей жизни я принимал или из чувства протеста, или потому, что мне было удобнее поступить именно так.

Я ни за кого, ни за что не боролся. Любил, как мне казалось, Илью, но даже не постарался вызвать его на действительно откровенный разговор, хотя это было возможно.

Я никогда не верил в любовь. Никогда.

Тим прав – если бы я верил в нее, то вера осталась бы со мной.

Да кто же он?!

Я должен его увидеть.

У меня начинает дико ухать сердце.

Потом время замирает.

Равновесие. Миг, когда я могу решить, куда хочу плыть.

Страстное желание посмотреть в глаза Тиму. Кем бы он ни был.

Достаю планшет. Руки ходят ходуном.

Вдох, выдох. Съедаю кусок торта. Успокаиваюсь немного.

Пишу в ответ на его письмо с фотографией реки: «Что делаешь завтра вечером?»

Тут же предупреждаю себя, что он может не ответить. Или ответить, что занят. Например, покупает аквариум с бойфрендом.

Между двумя ударами сердца отправляю свой дурацкий вопрос.

Кому я нужен, с ВИЧ-то?

И в тот же миг, когда мое сумасшедшее послание уходит, планшет жизнеутверждающе свистит.

Ответ от Тима? Так скоро?!

Но нет, это другое, новое письмо от него.

«Как насчет кофе завтра ближе к вечеру?»

Закрываю лицо руками и смеюсь. Симпатичный парень с сердитой спутницей с завистью смотрит на меня. Смотри, смотри, красавчик – у меня ВИЧ, а я смеюсь.

Достаю мобильный.

Если мы с Тимом так и будем одновременно писать друг другу, то можно до утра договариваться о встрече.

Не проще ли позвонить?

– Привет, – говорит глуховатый взрослый голос, сильный и очень по-хорошему мужской, когда я отвечаю на звонок, потому что Тим успел набрать мой номер первым. – Я – Тимофей.

... Наступает суббота, и я собираюсь выйти из дома, чтобы

встретиться с Тимом. Напоминаю себе, что это ни в коем случае не свидание. То, что мы полночи то переписывались, то перезванивались, ничего не значит. Ровным счетом ничего.

Просто нам хотелось пообщаться, поговорить.

Стоп. Не «нам». Мне хотелось поговорить, Тиму хотелось поговорить, вот и завязалась беседа на современный лад, большей частью виртуальная.

Я принаряжаюсь, потому что... Потому что мне хочется хорошо выглядеть ради самого себя. Точно! Эта дурацкая фраза мне очень нравится. Могу же я прилично одеться без особых причин?

Мы обменялись фотографиями, конечно же. Получилось так, что обе, и моя, и Тима были отпускными, моя – весенней, из прошлой жизни, когда я еще был с Ильей. А Тим прислал фото, сделанное на той же самой мощной реке. Он кормил с руки белку рядом с буддийским храмом, выстроенным на островке посреди быстрой, сильной воды. Ездил в путешествие на Шри-Ланку, чтобы ненадолго вырваться из города, где остался бросивший его парень. Перевести дух, вернуться к себе самому под непривычным небом, у кромки индийского океана. Все это он мне написал и рассказал ночью. Вот так.

Но фото симпатичного темноволосого парня под тридцать не передало самого главного, понимаю я, когда вхожу в кафе рядом с «Сухаревской».

Вхожу, и тут же вижу Тима. Он сидит у дальнего окна и, словно почувствовав мое приближение, вскидывает глаза. Они прекрасны. Глубокие, темные, настороженные, а мгновением позже, когда он осознает, что видит меня, вспыхивающие яркой, чистой радостью узнавания.

Мне требуется все присутствие духа взрослого мужчины, чтобы приветственно поднять руку, заказать себе кофе и, не споткнувшись на ровном месте, подойти к столику.

Я чувствую себя свободным. Тим уже знает обо мне самое страшное. Он уже здесь. Он уже рад меня видеть.

– Хорошее кафе, – говорю я, чтобы что-нибудь сказать.

– Да, – откликается Тим, – хорошее место, и кофе неплохой. Обратил внимание – на банке для чаевых написано: «Копим на единорога»? Славные ребята.

Смеемся. И беседа заходит сама собой, продолжение ночного разговора.

Даже если Тим со мной всего лишь на несколько часов, это прекрасно.

Я спрашиваю:

– А как ты поверил в любовь? Были же разочарования, расставания, обиды?

Он серьезно смотрит на меня:

– Знаешь, было время, недавно, когда мне стало казаться, что лучше быть одному. Секс, да, но никаких привязанностей.

Потому что отношения слишком сложны, во всяком случае, такие, которые мне интересны. Сложно, больно, когда приходит пора прощаться, нужно постоянно помнить о другом человеке, мириться с его настроениями, объяснять свои собственные, вести быт. Тяжело.

Тим отпивает кофе.

– Я во всем разуверился, вернее, как я уже сейчас понимаю, начал осознавать, что внутри меня – пустота, которую может заполнить нечто, не поддающееся описанию, осмыслению, нечто иррациональное. И я начал искать.

Нас окутывает невидимый занавес, отделяющий от людей за соседними столиками, да и от всего мира. Мы с Тимом вдвоем. Никого больше нет, только мы.

– Буддизм, даосизм, лекции заезжих мастеров, европейские философы. Я подступился и к Каббале, но все равно не мог позволить себе поверить. Признать, что любовь – это реально, объективно существующая сила, что это отдача себя, стремление делиться, поддерживать, и делать все это, не ожидая ответной отдачи, во всяком случае, немедленной.

Тим переводит дух. Улыбается.

– Это случилось в самолете, по дороге из Шри-Ланки в Россию. Я сидел у иллюминатора. Меня захватила красота Земли. До слез. То, что я видел – океан, горы, небо, облака, пустыни, было прекрасно. Все это было создано... с любовью. Понимаешь? И я поверил. Я просто поверил, что любовь возможна, что мне нужно позволить ей прийти.

Он продолжает:

– ВИЧ безмерно важен для тебя, но для меня это всего лишь еще одна величина в уравнении наших жизней. Ты для меня не «парень с ВИЧ». Ты – человек, задевший мою душу своим признанием, своей болью. То, что с тобой случилось, трагично, но у тебя есть силы, чтобы идти вперед. Это – вызов, прими его с честью.

Мы с минуту молчим. У меня самого свербит в носу.

– Слушай, – вдруг говорит Тим, – вот какое дело. Мне подруга оставила своего пса на неделю. Пес отличный, но старый, с ним нужно гулять почаще и разговаривать. Остался от ее мамы.

Ну что ж, говорю я себе, значит, прощаемся.

Но Тим продолжает:

– Не против погулять немного? Дождя нет. Я тут живу рядом. Потом угощу пирогом.

Он чуть склоняет голову на бок.

В темных, необычайно выразительных глазах я читаю просьбу и надежду. Этот парень никогда ничего не может скрыть, как бы ни старался.

Тим застенчиво улыбается.

– С удовольствием пройдуся, – отвечаю я, хотя мне хочется подпрыгнуть от восторга.

Проходя мимо банки для чаевых, я оставляю рублей пятьдесят на «единорога». Вдруг и правда накопят.

Мы переходим Садовое кольцо по подземному переходу, сворачиваем за выходящие на него старые здания. За ними скрываются дома помоложе, и в одном из них и живет Тим.

Жду, когда он спустится с псом. Пойдем в Екатерининский парк, наверное. Где еще тут можно пройтись?

И вдруг вспоминаю, что у меня ВИЧ.

Это было неважно весь день, но сейчас мне кажется, что лучше уйти. Исчезнуть из жизни Тима, пока я не сломал его.

Понимаете, я не верю ни во что. Не только в любовь. Я не верю и в дружбу; мне лучше оставаться одному. Чуть позже я сдамся и стану своим среди своих. А Тиму нужен совсем другой спутник. Не я.

– Эй, вот и мы, – весел оговорит он. – Вот мой подопечный.

Я не разбираюсь в собаках и не знаю, какой породы этот огромный вежливый пес. А тот деликатно утыкается холодным носом мне в руку. Осторожно глажу его по голове.

Бедняга, пережил хозяйку!

Уйти становится невозможным. Немыслимым.

Я могу только идти рядом с Тимом в холодных осенних сумерках, неторопливо, чтобы пес успевал за нами, и

чувствовать, как поток моего существования меняет направление. Жизнь струится вокруг меня, во мне, я и есть жизнь, я растворяюсь в доверии и приятии, а мигом позже понимаю, куда я хочу плыть.

К любви. К страсти.

Я страстно хочу любить.

Я поверил, и вера в любовь больше никогда не покинет меня, ибо я обращен.

Грохочущий водопад отчаяния остается далеко позади. Я плыву на свет, а большой грустный пес тихонько вздыхает, словно понимая, как важно происходящее.

После прогулки поднимаемся к Тиму домой.

В лифте мы оказываемся совсем близко. Кажется, можно почувствовать, как бьется его сердце.

Он хочет близости?! Со мной?! Разве это возможно?!

Но я сам не готов. Я все еще не готов к близости с другим человеком, даже если это Тим. Я не смогу, охваченный страхом, что заражу его. Не сейчас.

Но как это сказать, чтобы не обидеть его? Как объяснить, что дело во мне?

В прихожей пес опускается на подстилку, а мы легко обнимаемся.

– Я отвык от близости, – тихо говорю я. – Замерз.

Тиму не нужно ничего говорить. В его глазах понимание. Мы стоим, обнявшись, идем пить чай с яблочным пирогом, а потом опускаемся, не раздеваясь, на низкий широкий диван в единственной комнате.

Я поворачиваюсь на бок, и Тим обнимает меня.

– Отогревайся, – шепчет он. – Так хорошо?

– Да, – отвечаю я. – Хорошо.

... В середине ночи я ненадолго просыпаюсь и понимаю, что теперь уже Тим спит в моих руках, а я обнимаю его и согреваю своим теплом, защищая от холодного мира.

Позаботься о том,
кого любишь.
Например, о себе.

